

Я пью за варягов, за дедов лихих,
Кем русская сила подъята,
Кем славен наш Киев, кем грек приутих,
За синее море, которое их,
Шумя, принесло от заката!

А. К. Толстой

Часть первая

Для прорыва Хельги Красный выбрал ветреную ночь. Полная луна то появлялась из-за туч, то снова скрывалась, и тогда море, небо и восточный берег Боспора Фракийского тонули во мраке. Лишь вдали по левому борту мерцали огни — светильники на боевом ходу царьградских стен.

Дождаясь подходящей погоды, сотня русских лодий несколько дней стояла в гавани на Пропонтиде, на восток от южного входа в пролив. Идти днем означало обречь себя на верную гибель. А в полной тьме русы, до того видевшие Боспор Фракийский всего один раз, не нашли бы дороги и погубили бы лодьи — сели на мель, врезались в скалистый берег. Или натолкнулись прямо на огненосные хеландии патрикия Феофана. Переменчивый свет ветреной ночи в этих обстоятельствах был наилучшим союзником.

Но и ветер годился не всякий — а только попутный. Только дующий на север, в сторону Греческого моря. Он один давал русам надежду — не слишком верную, но все лучше, чем никакой, — пройти через строй хеландий, что сторожили их здесь уже три месяца.

Смерти бояться зачем? Конец она бедствий и боли,
Матерь покоя она, все прекращается с ней!
Только единственный раз она к смертному гостьей приходит,
Разве встречал кто когда дважды явление ее?¹

¹ Агафий Миринеийский, VI век (Памятники византийской литературы IV — IX веков, Москва, Наука, 1968, ответственный редактор Л. А. Фрейберг).

— нараспев читала Акилина, стоя на носу skutара, под резной головой змея. Ветер трепал, относя вперед, края ее покрывала, и в эти мгновения она, бывшая царьградская потаскуха и беглая монахиня, как никогда напоминала Хельги валькирий из преданий его далекой северной родины.

Он не раз предлагал ей остаться на берегу — она отказывалась.

Впереди лежал Боспор Фракийский — логово огнедышащего змея. В начале лета русы уже сунулись туда с отвагой неведения; Хельги шел впереди двоих старших вождей, своих зятьев — князя киевского Ингвара и его воеводы Мистины Свенельдича. И не в пример витязям из сказаний, именно он, идущий первым из троих, остался цел и невредим.

Теперь опасность была русам хорошо известна, но это ничего не меняло. Хельги сына Вальгарда ждала Русская земля, его наследственное владение. А иного пути в Греческое море из Пропонтиды, где находилась дружина, не существует.

* * *

В земле Полянской убрали жито, везде готовились к дожиночным пирам и свадьбам, когда по городцам и весям покотился тревожный слух. Княгиня уехала из Киева. За три дня до того князь вернулся из похода на греков — раненный, почти без добычи, с малой дружиной. . . и с новой женой. Неудача начала похода Эльга еще могла ему простить — особенно зная, каким удачливым рукам доверено продолжение. А новую женитьбу — нет. Напрасно веселая семнадцатилетняя Огняна-Мария, родственница болгарского царя Петра, слала ей через родича, царевича Бояна, поклоны и дары, уверяя в своей сестринской любви. Напрасно Ингвар повторял, что за Эльгой остаются ее права соправительницы и княгини русской. Ведь жен у князя может быть несколько, но княгиня — только одна, и это место было надежно закреплено за племянницей Олега-старшего. Новой женитьбой Ингвар не нарушил никаких законов и даже уговоров, но вонзил Эльге нож в сердце, и она не собиралась страдать одна.

— Я — княгиня русская, наследница Олега и твоя соправительница, — дрожащим от гнева и обиды голосом говорила она ему на следующий день после прибытия. К этому времени она достаточно оправилась от потрясения, чтобы встать с постели и заговорить, но ее не покидало ощущение, будто она куда-то летит и в ушах шумит ветер бездны. — Это так! Ты дал слово, и тому видоки — все бояре и люди русские, мои родичи, вся дружина, священный дуб Перунов, сами боги! И если так, то почему ты осмелился.. как ты решился на такое дело без моего совета? Как ты мог... заключить союз с Петром, не спросив меня?

Княгиня сердилась не без оснований: даже если бы она была не женой, а братом Ингвара, делившим с ним киевский стол, то и тогда имела бы право пенять ему. Но дело состояло не в этом, и Ингвар понимал это так же хорошо, как она сама.

— Когда я стал бы тебя спрашивать? — с трудом подавляя досаду, отвечал он. — Там все на ходу решилось!

— Ни один разумный человек не решает таких дел на ходу! У селян говорят: женился — как на льду провалился, но ты-то — князь русский!

Эльга с негодованием потрясала руками, но при этом избегала смотреть Ингвару в лицо, чтобы не разрыдаться. Каждый взгляд на него причинял ей боль, будто по сердцу проходило лезвие ножа. Никогда ее муж не был красавцем — среднего роста, с простым лицом и рыжеватой бородкой при русых волосах, внешностью он не выделялся среди отроков собственной дружины. И не раз за пять лет замужества Эльга заподозрила, что ума и воли боги ей отпустили уж не меньше, чем ему. Но это был ее муж. Ее суженый. Тот самый, за кого она решила выйти своей волей, когда родня, даже отец, тогда еще живой, думали отдать ее другому. Ради Ингвара, тогда еще ей не знакомого, она решилась на разрыв с кровным родом, ибо верила в свою судьбу как наследницы Вещего. К нему, Ингвару, она бежала в Киев из земли северных кривичей, доверившись его чести и удаче. С ним она взошла

на киевский стол, оттеснив родича — Олега Предславича. И все удалось: своим браком они связали в единую державу южные — приднепровские, и северные — приволховские владения руси. Казалось, и сами они связаны навсегда, неразделимо, как две руки одного тела. И вот... пока она тревожилась о нем и оберегала, сколько позволяли ее женские силы, их общее достояние и будущее наследие их сына — он нашел себе другую жену! Будто третью руку их единого тела — совершенно лишнюю!

— Я же тебе рассказал! Мне... нам нужна поддержка, хоть чья-нибудь, пока не ясно, чем закончится этот поход! — толковывал ей Ингвар. — А царь Петр — не пес из канавы! Он самому царьградскому цесарю ровня и родич!

— И, значит, нам больше не нужно воевать с греками, если они отныне наши сваты? — язвительно осведомилась Эльга. — Когда нам ожидать их послов для совещания?¹ Ты скажи мне заранее, чтобы успела хлеба напечь, пива наварить. Или теперь о сих делах твоя болгарыня похлопочет?

— Тьфу! — Ингвар с трудом сдерживал желание выбраться, не находя достойного ответа.

Он и так очень злился на судьбу этим летом: едва ушел живым из первого же столкновения с греками и был вынужден повернуть назад с почти пустыми руками. Он привез в Киев раненых, оставив побратиму попытки спасти поход, честь свою, дружины и державы.

— Йотуна мать, я и сейчас не знаю, чем все это кончилось! — кричал Ингвар, вцепившись руками в стол, раздвигавший их.

Они стояли по обе стороны и сверлили друг друга такими ненавидящими взглядами, каких не было между ними за все пять лет брака. Им случалось ссориться, как всяким супругам, но если раньше то были трещинки и царапинки, то теперь возник разлом, грозивший полным разрывом. И семьи, и державы.

¹ Совещание (свещание) — «договор» (*древнерусск.*).

— Где мое войско? Жив ли хоть кто-то! С чем они вернутся — если вернуться? И что мне было делать у этих клятых болгар? Ждать, пока греки разобьют Свенельдича и пришлют кого-нибудь с войском взять меня за портки? Мне нужно было средство хоть как-то себя обезопасить. Понимаешь ты это? Или ты хотела, чтобы со мной там и покончили — если не греки, то болгары?

— Я не хотела, чтобы с тобой покончили! — дрожащим голосом отвечала Эльга. Она разрывалась между желанием задеть его посильнее и пониманием: дай она сейчас волю чувствам, беда может стать непоправимой. — Но если тебе так требовался союз с Петром, неужели нельзя было устроить это без женитьбы?

— Зачем ему был нужен союз со мной, если бы я не женился на его сестре?

— Ну а как же он ее тебе отдал?

— Он и не хотел!

— Вы что — ее умыкнули? — Эльга в показном изумлении подалась к нему.

— Поначалу — да. А потом уже договорились. Бояна спроси. Он тебе все поведаст. Хоть песню споет, сложил уже небось...

— Сыта я вашими песнями! — Боян, любезный и вкрадчивый родич Огняны-Марии и устроитель всего этого дела, внушал Эльге лишь отвращение. — Ты мог бы не жениться сразу — ряд положить, приехать домой без... один. Посоветоваться — с боярами, с родичами... со мной! Ты втянул русь в союз с зятем Романа! Воевать с греками нам теперь не подобает, потому что мы в свойстве! А где наше совещание? — Эльга раскинула руки, будто очерчивая пустоту вокруг себя. — Думаешь, Роман теперь обрадуется и пришлет послов, дружбу и любовь предлагать? Ты этой... девой красной опутал себя и всю русь, а Роман не связан ничем и не должен нам ни хрена поросячьего!

— У меня не было другого выхода! — яростно отвечал Ингвар, с холодом в груди понимая: а ведь она права.

— Я вижу! — У Эльги на глазах заблестели слезы обиды и отчаяния. — Будто в сказании: направо пойти — убиту быть, налево пойти — женату быть! Не туда ты свернул, мне сдается!

— Да лучше б я от «олядного огня»¹ сгорел! — Ингвар грохнул кулаком по столу, резко развернулся и вышел, не желая слышать те слова, которые княгиня с таким трудом подбирала.

Сейчас ему и правда казалось, что лучше было погибнуть в огне на воде Боспора Фракийского и стяжать славу павшего в бою, чем остаться в живых и одолевать последствия неудачи.

Едва дождавшись удара двери о косяк и стука яростных шагов на крыльце, Эльга снова залилась слезами. Она с трудом воспринимала, что Ингвар говорит, обида жгучей волной разливалась внутри: сердце ее мужа больше не принадлежало ей одной. Было так же больно, как если бы Ингвар и впрямь погиб. Если не хуже — тогда у нее осталась бы священная для нее и державы память. Но он жив, он здесь — Ингвар, женатый на болгарыне! Пренебрегший своей княгиней, он был хуже мертвого. Боль разрывала сердце, не давала обдумать и понять положение дел. Ей, княгине русской, сейчас не было дела ни до чего, кроме этого оскорбления: мужу стало мало ее одной, и этим он унизил ее перед богами и людьми!

Двоюродный брат Асмунд все это время оставался в Киеве, и за ним Эльга послала первым делом. На другой день после возвращения Ингвара с Огняной-Марией, сразу как нашла в себе силы встать с постели. Кому же заступиться за ее честь и наследие, как не брату, первому защитнику сестры и ее потомства?

Но Асмунд ее надежд не оправдал. Он сам два года назад ездил в Царьград послом, имел дело со стратигами в Таврии, а потому знал, как сложно русам договориться с греками.

¹ «Олядный огонь» — то же, что греческий огонь, горячая смесь. От «олядия» — «ладья».

— Мне эти йотуновы греки голову разбили, сутки в узилице держали, и то, я думаю, отделался легко, — сказал он. — Для христиан мы — звери жадные, только на то и годны, чтобы державе ромеев послужить, коли будет у нее нужда в нашей службе. А Ингвар молодец. Эта дева — Роману хотя бы свойственница. Мы ему уже не шиш с болота — родня какая-никакая. Уже есть о чем поговорить.

— Знатно же тебя тогда горшком по лбу приложили! — звенящим от слез негодования голосом отвечала Эльга. — Молодец! Твою сестру, княгиню, оскорбили и унизили, а по-твоему, он молодец! Был бы здесь Хельги, он бы не так рассуждал!

— И я того боюсь, — кивнул Асмунд. — Будет здесь Хельги — начнет дружину и народ мутить.

— Мутить! Отстаивать мои права, ты хотел сказать!

— Да чем Ингвар твои права нарушил? Он же тебя прочь не гонит?

— Еще бы он меня гнал! — Эльга шагнула к брату, уперев руки в бока и готовая ринуться в бой. — Меня! Здесь все мое! Это я его со двора сгоню — пусть к себе в Хольмгард едет и там со своей хотью¹ княжит!

— Киеву князь нужен. Пока Свенельдич с войском не вернулся, ты город своими бабьими обидами не баламуть. Если его разобьют, то мы не то что царю болгарскому — волку хромому из лесу будем рады, лишь бы чем помог!

— Иди ты... в лес! — Эльга в негодовании смахнула глиняную чашу со стола на пол.

Но подумала с холодом на сердце: что, если и Мистина сказал бы ей то же самое?

Асмунд ушел, качая головой и жалея, что сестру-княгиню сейчас нельзя заставить взглянуть на дело разумно. И все же этот разговор не прошел даром. Своему брату, человеку умному и надежному, Эльга привыкла доверять. Взглянув на дело отчасти его глазами, Эльга будто поднялась на ступеньку выше той, на какой стояла с юности.

¹ Хоть — милая, любимая; наложница.

Уже пять лет она замужем, у нее четырехлетний сын. Но только сейчас Эльга ощутила, как нечто в ней по-настоящему изменилось после детства и юности. Пятнадцатилетней девушкой она решилась бежать из дома, от родных, порвала с близкими и чурами, доверившись вместо них Мистине — тогда совсем чужому ей человеку. А вела и укрепляла ее свойственная юным вера в счастье, что ждет где-то за небокраем — стоит лишь сделать решительный шаг, не сробеть, оторваться от родного порога. И надежды ее не обманули — она и Ингвар достигли больше того, чем поначалу могли желать. Ее будто несла волна удачи — и выносила, позволяя не терять бодрости, хотя жизнь уже не раз стучала железным кулаком в ворота.

И вот створки рухнули. Сброшен и уплыл венок девичьих упований на неизменное счастье. Теперь Эльга смотрела в жизнь глазами зрелой женщины, знающей, что труд, разочарование и забота — это будни, а передышка от них — редкий подарок судьбы. И ей было так жаль себя вчерашнюю, будто умерла ее любимая младшая сестра.

И все же она была слишком молода, чтобы ум так сразу поборол чувства. Умение принимать разочарования приходит с опытом, а на ее пути такое суровое разочарование встало впервые.

Не раз за эти дни на Олегов двор являлись киевские и окрестные старейшины. Слух о новой женитьбе князя разносился по городцам полянским, и все хотели знать, что происходит.

— Неужто померла княгиня? — спрашивали приезжие на пристани.

— Что с походом и дружиной? — толковали на торгах и по дворам.

С кем Русская земля теперь в дружбе и вражде? Ходили даже слухи, будто в Болгарском царстве князь принял Христову веру, оттого, стало быть, и на болгарыне женился. Но гриди никого к нему не допускали. Ингвар еще не настолько собрался с мыслями, чтобы говорить с людьми. Его собствен-

ный поход кончился неудачей, и рассказывать об этом не тянуло. Война еще могла принести успех, но это зависело не от него. А о тех, от кого зависело, он ничего не знал. Он привел назад всего четыре сотни человек, из них многие и сейчас еще не оправились от ран. Где прочее войско во главе с Мистиной и другими боярами? Что с дружиной Хельги Красного? Послали им удачи боги, или все в Греческом царстве в сыру землю полегли?

Старейшины подсылали отроков и к Эльге, надеясь узнать что-то от нее, но и она гостей не принимала. От стыда ей не хотелось никого видеть. Она как будто упала в навозную лужу у всех на глазах, рухнула с высоты, на которой стояла ранее и привыкла считать это своим законным правом. Племянница и хранительница наследственных прав Олега Вещего, пять лет она сияла будто солнце над Киевом. «Ты смарагд наш многоценный», — говорил ей Мистина той зимой перед походом Хельги на Самкрай, и от воспоминаний о проблеске нежности на его жестком лице Эльге еще сильнее хотелось плакать. Но вот оказалось, что для собственного мужа она не так уж многоценна. Понадобилась другая.

— Княгиня, лебедушка, да что же ты так себе сердце рвешь? — пыталась утихомирить Эльгу Ростислава, ее родственница. — Как будто от веку такого не бывало, чтобы муж другую жену привел? Да у кого же из князей и бояр не по две и три жены? У деда моего Олега их десяток перебывало, и до бабки Бранеславы, и при ней, и после нее. . . И русинки были, и славянки, и хазарки, и ясыни. . .

— Да если бы он челядинку какую в углу зажал, я бы и не глянула! — горячо возмущалась Эльга, едва слушая ее. До сих пор она у себя на дворе подобного за Ингваром не замечала, а что он делал во время походов, зимних и летних, когда жена не видала его по три-четыре месяца, она предпочитала не знать. — Но то княжна болгарская, царя Петра родственница, а через него — Романа цесаря! Я — наследница Вещего, она — никто здесь! Всем чужая и никому не нужная! Где Киев и где болгары?

Знатное происхождение и сильная родня Огняны-Марии делали ее опасной. Это было почти такое же солнце: оно робко выглядывало из-за небокрая, примериваясь, не найдется ли здесь места и для него? У Эльги екало сердце, когда она вспоминала: поначалу и сам Олег Вещий в Киеве был никто. Он пустил здесь корень, взяв в жены Бранеславу из древнего рода Киевичей. Ингвар тоже не имел здесь никаких наследственных прав и получил их в приданое за Эльгой. Не считает ли он теперь Киев своим владением, а права на киевский стол — своими собственными?

— Ингвар здесь чужой! — гоня прочь эти мысли, говорила она Ростиславе. — Он стал господином над Киевом благодаря мне! Наш, Олегов род дал ему власть! Если он потеряет меня, он потеряет все!

Ростислава только вздыхала, отчаянно жалея, что нет рядом ее мужа. Острогляд, зять Олега Предславича, был одним из самых деятельных сторонников и устроителей заговора, передавшего власть Ингвару и Эльге. И вот теперь, когда союз права и силы грозил расколоться, Острогляд находился в Греческом царстве, с Мистиной и прочим войском. А в Киеве не оказалось почти никого из людей, способных помочь делу. Мистина, Ингваров побратим и наиболее доверенный человек княжьей четы, старшие бояре, родичи — все сейчас за морем. И живы ли?

Эльге было бы легче перенести измену мужа, не будь они так близки ранее. А теперь в ней росла настоящая ненависть: так ненавидят людей, сумевших предать именно потому, что им доверяли!

— И ладно бы, если бы я Ингвару отдала себя одну! — возмущалась Эльга перед Ростиславой и Утой. Сестра в эти дни почти не уходила от нее, покинув свое хозяйство на ключницу. — Но я отдала ему Киев, землю Русскую! А он теперь кому их вручить задумал? Болгарам? Петру? Или сразу Роману?

— Но что же ты будешь делать? — с тревогой спрашивала ее сестра Ута. Несогласие в семье для нее было что острый нож.

— Я.. уеду отсюда! — Эльга схватила с лавки рушник и с размаху швырнула на пол.

Будто это было их свадебное полотенце, на которое вступают жених и невеста, чтобы стать единым деревом рода.

— Куда? — Ута в испуге поднялась с места. — Не домой же?

Прошло пять лет, но она все еще называла домом село Варягино над рекой Великой, где они обе родились.

Там еще жили родители Уты — воевода Торлейв и жена его, Кресава Доброзоровна. У Эльги же там не было никого, кроме дяди с теткой и последнего из родных братьев, Олейва.

Эльга помолчала, обдумывая эту возможность. Плесковская земля все же была слишком далеко, чтобы вот так сорваться и лететь туда, спасаясь от обиды. Да и перед родичами ей было стыдно не менее, чем перед киевлянами.

— Нет, — обронила она. — Пока — нет! — добавила она, и в этом коротком слове слышалась угроза. — Поближе куда-нибудь, но так, чтобы мне их не видеть.

И в это короткое слово «их», объединяющее ее мужа с чужой девой, она вложила столько негодования, сколько оно едва ли когда вмещало.

— В Витичев. Или в Вышгород.

Сперва ей понравилась мысль о Витичеве — он прикрывал Киев ниже по течению Днепра, а значит, любые вести с полуденной стороны пришли бы туда раньше. Но не только вести — опасности тоже. А подвергать себя и дитя опасности, когда и так все плохо, ей не позволяло благоразумие. Вышгород, стоявший севернее Киева, был надежнее и в то же время достаточно близко, чтобы вести и туда прибывали без большой задержки.

— Собирайтесь! — Эльга обернулась к служанкам, сидевшим в дальнем углу, подальше от расстроенной госпожи. — Мы едем в Вышгород. Завтра!

Эта мысль впервые со дня возвращения Ингвара принесла ей облегчение. Казалось, на расстоянии в дневной пере-

ход боль оскорбления утратит силу. А он задумается, что на- творил, когда лишится своей княгини, той, что сделала его киевским князем! Вот посмотрим, сумеет ли болгарыня ее заменить!

* * *

Ингвар не стал возражать против отъезда княгини и даже вздохнул с облегчением. И ему невыносимо было жить на одном дворе с разгневанной Эльгой, хоть и не под одной крышей — они с Огняной-Марией заняли старую Малфридину избу. Даже через стены и пространство двора он ощущал ее негодование и гнев, когда она с утра до ночи металась в своей просторной избе, не в силах вырваться из пут отчаяния. Видел недоумение и тревогу в глазах собственных гридей и отроков. С той их памятной встречи посреди двора, когда Эльга сперва уронила рог, а потом и сама упала наземь без памяти, она ни разу не появилась в гриднице, и оттого всех томило гнетущее чувство, будто госпожа внезапно умерла. Если она уедет, ему станет легче разобраться в своих княжеских делах, и без того нелегких.

Через день Эльга отбыла, забрав сына, свою челядь и те три десятка отроков, что оставались с ней в Киеве на время похода. Смотреть на ее отъезд собралось множество народу: над пристанью Почайны, где грузили в лодьи спешно собранные пожитки и людей, стоял взволнованный гул. Разлад с княжьего двора быстро расплозился тревогой по городу и округе. В былое время Эльга всеми силами стремилась подобного не допускать; еще совсем недавно она так боялась, что слухи о поражении Ингвара в Боспоре Фракийском просочатся в народ и вызовут волнения. Но сейчас ей было все равно. У нее на сердце бушевала осенняя буря, и пусть весь город мерзнет вместе с ней, своей истинной княгиней!

— Куда же ты собралась? — К Эльге, стоявшей у лодьи в ожидании, пока все погрузят, подошел боярин Честонег. — Мужа покидаешь, княгиня? И Киев? Надолго ли?

— Мне с другой женой на одном дворе тесно, — холодно ответила Эльга. — Поживу в Вышгороде, пока.. все не решится.

— Что — решится?

Но Эльга, не отвечая, прошла по мосткам на лодью, куда Добрета уже провела четырехлетнего Святку. Пока она сама не знала, что и как должно решиться. Знала одно: на Олеговом дворе, где совсем рядом живет Ингвар с другой женой, под гнетом оскорбления она не в силах ни думать, ни решать.

На место прибыли в тот же день, ближе к вечеру. Вышгород, конечно, не шел в сравнение с Олеговым двором в Киеве, отстроенным и украшенным стараниями прежних владельцев. Здесь, на дневной переход выше по Днепру, киевские князья не жили, а только держали половину «большой дружины». Для трех-четырёх сотен отроков были выстроены просторные избы, поварня, клетки для разных припасов и прочего добра; несколько изб для бояр, для вышгородского воеводы и для князя, если будет здесь останавливаться на время лова или еще каких дел. Все это стояло на вершине холма над Днепром и было окружено валом со стеной из срубов и боевым ходом. Бани и кузни выстроились внизу, близ воды.

Вышгородский воевода Ивор ушел в Греческое царство вместе с князем, но с ним не вернулся. Уцелев во время первой, ужасной битвы в Боспоре Фракийском, откуда сам Ингвар был вынесен гридями едва живым, он не стал возвращаться вместе с ним, а перешел под начало Мистины и продолжил поход. В Вышгороде оставалась его жена Волица с детьми; она только и знала, что муж был жив.. почти четыре месяца назад.

В первые дни Эльгу поглощали заботы о хозяйстве: в городце оставались припасы только для своих, а число обитателей вдруг увеличилось вдвое. Как и близ Киева, окрестные селения были обложены податью и поставляли для княжских отроков съестные припасы. Теперь требовалось договориться, чтобы они кормили ее двор. Сперва Эльга хотела позвать старейшин к себе, но, посоветовавшись со старшими оружниками, пере-

думала. Не стоило давать оратаям повод выступить единой ватагой против нее одной. Последующие дни Эльга провела в разъездах по округе. Ей не обязательно было заниматься этим самой — можно было Даромира или Хотигостя с отрока-ми послать, — но ей нужно было себя занять, что-то делать. Убедиться, что для людей ее слово — по-прежнему закон.

Конечно, селяне дивились: даже деды их не помнили, чтобы разговаривать о податях к ним являлась княгиня, когда князь жив и в Киеве. Но споров не было: в душе Эльги бурлили досада и гнев, и усилия, направленные, чтобы сдержать их, придавали ее внешне невозмутимому лицу выражение неодолимой силы и властности. Сейчас она будто бросала вызов самой судьбе и молчаливо требовала ответа за учиненную с ней несправедливость. Могли ли противиться ей селяне, и так обязанные поставлять в Вышгород жито, овощ, тканьину и прочее?

Стадо и птица в Вышгороде были свои, но пока срок осеннего забоя не подошел, отроки ловили рыбу и били зверя в лесу. Даже Эльга два раза съездила с ними, надеясь развеяться, но получалось плохо. Каждый миг в голову лезли воспоминания о том, как она ездила на лов с Ингваром и Мистиной, и то, что сейчас никого из них не было рядом, причиняло боль. Как будто судьба вновь и вновь проводила холодным лезвием ножа по ее жизни, отрезая все, что было в ней хорошего и светлого. И само будущее тоже. Раньше Эльга видела его довольно ясно: как они с Ингваром будут править Русью, и лишь надеялась, что со временем Мокошь пошлет ей еще детей. Теперь же ничего этого не было. Она не овдовела, но ее муж вдруг исчез. Мысли о будущем упирались в глухую стену, и что было за ней? Да и было ли что-то?

От мысли вернуться в Киев и зажечь как прежде Эльгу мutilо. Считая себя оскорбленными, знатные женщины порой решаются на развод, но мысль об этом ужасала. Развестись? Встать по берегам ручья или на перекрестке дорог и разорвать надвое родовое полотенце, что на свадьбе связало их воедино? Вместе с тем они разорвали бы и саму Русскую землю. Киев

и есть перекресток дорог, тем и ценен, на нем сидит русь и из него черпает силу. Их с Ингваром брак создал не просто семью, а державу, какой до того еще не бывало между Варяжским морем и Греческим. Такое приданое в коробах не увезешь.

Предзимье — время покоя, но Эльга о покое могла лишь мечтать. В окрестных селениях уже трепали и чесали лен. Часть самого лучшего, тонкого длинноволокнистого льна воеводша Волица брала куделью, сама зимой пряла и ткала, одевая семью. По вечерам Эльга занималась тем же — пересиливая себя. Долгое сидение на прялочном донце, обычное занятие всех девчонок, девок, баб и старух в зимнюю половину года, умиротворяет и даже наводит сон, но для нее оно стало сплошным мучением. Каждый оборот веретена заново напоминал ей, что ее семья теперь — это она да Святка, что играл на расстеленной медвежине с детьми Волицы. Мужа у нее больше нет... И каждый раз при мысли об этом она сжимала губы и опускала голову, будто противостоя режущему ветру в лицо. Волица посматривала на княгиню, но заговорить не решалась.

Каждый проходивший в тишине день усиливал тревогу, так что Эльга уже едва находила себе место и лишь усилием заставляла себя сидеть и прясть. Где войско? Где Мистина, Хельги, Эймунд, Тородд, где те без малого двадцать тысяч хирдманов и отроков, что остались вместе с ними в Греческом царстве? Неведение их судьбы и подтолкнуло Ингвара к новой женитьбе. В этих людях заключалась почти вся сила нынешней Русской державы. Если они сгинут — будет почти все равно, на ком Ингвар женат... Не кареглазая болгарыня, а провал похода погубит русскую державу...

И при мысли об этом у Эльги леденело и замирало сердце: здесь она своей волей ничего не могла исправить.

* * *

В начале лета Хельги Красному повезло: он и его люди благополучно ушли из-под выстрелов огнеметных устройств, поскольку те не могли палить против ветра. К тому же греки

предпочли преследовать основную часть войска, гоня ее из пролива на север. Хельги и две тысячи человек, оказавшихся при нем, благодаря столь счастливому для них стечению обстоятельств без потерь прорвались в Пропонтиду и оказались там полными хозяевами. Они разграбили и разорили северную сторону Кераса — под самыми стенами Царьграда, в виду дворцов, — а потом ушли вдоль тянущегося на восток Никомедийского залива, до старинного города Никомедия. Где и провели почти два месяца, наслаждаясь царской жизнью и совершая безнаказанные вылазки за добычей в любом направлении.

Но созрела осень, и пришла пора возвращаться домой. Иные предлагали остаться в Никомедии зимовать, но Хельги был против.

— Какой толк нам искать новой добычи, если мы не сможем увезти даже ту, что у нас уже есть! — убеждал он своих бояр и хёвдингов.

— Насчет добычи ты прав, но ведь можно всякое, что подешевле, повыкидывать, а золота и паволок набрать побольше, — рассуждали бояре, за лето привыкшие к легкому обогащению.

— Зато к зиме из Анатолии вернутся царские войска и займутся нами. Как бы их ни потрепали сарацины, их могут быть десятки тысяч, а нас всего две! Нас разобьют, и все, что стало нашим, опять вернется к грекам. Понравится тебе видеть такое из Валгаллы, а, Селяня?

— Нет, конунг, это весьма обидно будет! — выразительно насупил Селимир — здоровенный ильменский боярин.

За два года под южным солнцем его круглое лицо стало буровато-красным, а светлые волосы и борода выгорели до легкого золотистого оттенка. Ни единой нитки, выпряденной руками жены, на нем уже не осталось, и в одежде его теперь причудливо сочетались греческие и хазарские изделия. К тому же он перенял дружинный язык, состоявший из смеси славянских и норманнских слов, так что теперь свейнаемник Ульва понимал его лучше, чем поняли бы оставши-

еся дома родичи. Те же перемены произошли за этот срок и со всеми, кто оказался под стягом Хельги Красного. Превысившие его шесть сотен, этим летом выросшие до двух тысяч, стали сплоченным войском, что гордилось своими победами, своей добычей, своими павшими и в первую очередь своим конунгом.

И за минувшее время Хельги убедился, что может доверять этим людям.

— У нас уже достаточно золота и паволок, чтобы не стыдно было вернуться на Русь, — продолжал он. — И я, скажу вам откровенно, очень хочу туда вернуться. Ведь мы так и не знаем, что случилось с остальными.

Он обвел глазами свою ближнюю дружину: бояр и хёвдингов-наемников. Загорелые лица омрачились: люди Хельги видели огнеметы в действии, видели остовы русских skutаров, сгоревших на воде вместе с гребцами. И хотя тех было в разы меньше, чем оставшихся где-то к северу от Босфора прочих княжских людей, дальнейшая судьба их была никому из русов с этой стороны пролива неведома.

— Я не знаю, жив ли мой родич Ингвар. Жив ли мой сводный брат Эймунд, жив ли Мстислав Свенельдич, мой зять. Любой из них мог погибнуть. И если в числе погибших окажется Ингвар, то из всех, кто состоит с ним в родстве, никто другой не имеет таких прав на киевский стол, как я.

Хельги положил руку на резной подлокотник трона сероватого мрамора, словно припечатывая это короткое слово, заключавшее в себе так много. Вся роскошь древней Никомедии была теперь к услугам русов, и вождь их, сидя на месте стратига фемы Оптиматов, пожалуй, видом своим делал ему честь. Рослый, плечистый, сильный и гибкий, он был одет в широкий камизион ярко-синего шелка, с отделкой огненного цвета на подоле и рукавах, подпоясан ремнем с золотыми, с эмалевым узором пластинами. Из-за жары золотая пуговка на левом плече, — сами греки говорили, что это сарацинский крой, — была отстегнута, распахнутый ворот обнажал верхнюю часть груди, позволяя видеть, где кончат-

ся темно-красное родимое пятно, спускавшееся по горлу до ключиц. На левой стороне лица оно благодаря загару стало менее заметно, но на белой коже груди производило впечатление засохшей струйки крови из перерезанного горла. Впервые его видевшие содрогались, женщины взвизгивали. Зато оружники гордились этой особенностью своего вожака, словно пятно говорило о каких-то его нечеловеческих способностях. Бытовало даже мнение, будто пятну Хельги Красный обязан своей отвагой и удачливостью. Между хирдманами-северянами ходило целое сказание: якобы мать Хельги, датская колдунья, перед его рождением приносила жертву Одину ради удачи будущего дитя, и поток жертвенной крови плеснул ей на живот, оставив метку на лице новорожденного в знак того, что Отец Ратей принял жертву и обещает будущему воину свое покровительство. Сам Хельги услышал это предание от Ольвида, но так и не сумел дознаться, от кого же оно пошло.

Внимая этим словам, бояре переглядывались. Очень может быть, что перед ними сидит не только их конунг, но и будущий князь всей Руси. Хельги Красный приходился родным племянником давно покойному Олегу Вещему, а значит, имел наследственные права на земли полян, древлян и прочих родов, покоренных знаменитым дядей. Еще был жив родной младший брат Олега, Торлейв, но тот никогда не притязал на высокие места. В поколении сыновей Хельги был старшим, а главное, всего за два года на Руси успел выкачать такую отвагу, удачу и решимость бороться за свои права, что соперников в своем роду у него не нашлось бы.

Во всяком случае, среди мужчин.

— И поэтому, — закончил он, — не зная судьбы Ингвара, я никак не могу позволить себе провести здесь еще полгода. Если окажется, что киевский стол освободился, то я должен как можно скорее оказаться там. Ранее спешить не стоило, но теперь, когда мы вернемся, нагруженные сокровищами, русы и поляне увидят, кто достоин их возглавлять. А я докажу, что не зря получил то же имя, что и Вещий.

Сам-то он понимал, что все не так просто. Даже если Ингвар и впрямь погиб, его стол пуст только по названию. На деле его окружает множество народу: сестра Эльга, ее сын — маленький Святослав, братья Ингвара — Тородд и Хакон, мужья Эльгиных сестер... Мистина Свенельдич, решительный и честолюбивый Ингваров побратим и одновременно свояк. У каждого есть свои права, вытекающие из кровного родства или свойства с Вещим, но Хельги не сомневался, что управится с ними всеми. Главное — не упустить время. И если он вернется с победой и добычей оттуда, где Ингвар потерпел поражение и лишился жизни, то сразу опередит на целое поприще всех возможных соперников. Люди предпочитают удачливых вождей.

Сидя в Никомедии, Хельги Красный мысленным взором уже видел Киев, хотя и сознавал, как много препятствий лежит между ним и наследием знаменитого дяди. Но, находясь у южного конца Боспора Фракийского, думать о дальнейшем не было смысла. Сначала предстояло прорваться через строй огненосных хеландий, стороживших пролив.

* * *

Незадолго до праздника Воздвижения Креста Господня патрикия Феофана вдруг посетил сам патриарх константинопольский. Приехал он верхом, с немногочисленной свитой и без всякой пышности. Поспешно выйдя во двор встречать гостя, Феофан испугался, увидев, как осунулось и побледнело смуглое лицо главы ромейской церкви.

— Ей уже лучше, — в ответ на его встревоженные расспросы Феофилакт махнул рукой. — Я из-за нее всю ночь не спал. — Он прижал пальцы к глазам, обведенным темными кругами. — Так и просидел возле нее всю ночь, клянусь Древом Честного Животворящего Креста Господня. Как я молился... никогда в жизни я так не молился... Если она... если с ней что-то случится... в монастырь уйду!

— Не думай о дурном! — Феофан прикоснулся к его локтю. — Она молода, полна сил, она поправится. И она в на-

дежных руках, я знаю, о ней заботятся лучшие лекари. К ней заходил Епифан?

— Да, был вчера. Он меня обнадежил. Спасибо тебе, что надоумил за ним послать. Ты мой самый верный друг, Феофан! — порывисто воскликнул Феофилакт, видя непритворное сочувствие на полном лице патрикия с немного обвисшими щеками.

Тот и впрямь был полон искреннего участия. Эти двое были очень, очень разными: внешне их делал похожими только высокий рост, и то из грузной, внушительной фигуры пятидесятилетнего протовестиария можно было бы сделать двоих худощавых двадцатитрехлетних юношей, каким был патриарх Феофилакт. Черты светлогожего Феофана украсили бы любой бюст патриция римских времен — покатый лоб, горделивый горбатый нос, в то время как патриарх был смугл, с грубыми чертами лица и большими черными глазами. Если бы не облачение, не зеленая патриаршая мантия с белым куколем, его легко было бы принять за простого сельского парня, пастуха — каким он, внук крестьянина Феофилакта, собственно, и был. И если протовестиарий и патрикий Феофан достиг своей высокой должности и титула благодаря уму, знаниям, преданности августу, честолюбию и неустанному труду, то Феофилакт всего в шестнадцать лет стал главой римской церкви лишь по воле своего отца, василевса Романа. По сути выскочка, Роман из Лакапы возвел троих старших сыновей на высшую ступень мирской власти, а младшего — церковной. Эту высокую честь Феофилакт заслужил лишь рождением — и не особенно стремился оправдать.

Еще кое-что сближало этих двоих: оба были скопцами с раннего детства. Но в этом качестве они были не одиноки и в Романии, и тем более при царском дворе, где к множеству должностей имели доступ лишь скопцы. Патрикий Феофан так же не мечтал о потомстве, как о способности летать, но к юному патриарху, коего величал «отец мой», в глубине души испытывал чувства, схожие с родительскими. Нельзя не пожалеть человека, кого чужая воля обрекает на положе-

ние, совершенно ему не подходящее и в то же время предельно суровые требования.

— Пройди в покои, — приговаривал он, провожая Феофилакта по гладким и чисто выметенным плитам двора, мимо крины, где в середине желтой мраморной чаши бронзовая дева лила воду из золоченого кувшина, к красным колоннам крыльца.

— Это я виноват! — сокрушался Феофилакт по дороге. — Сам виноват! Будь я проклят! Это все отец — он сказал, что если я еще раз опоздаю к выходу, он мне... Пришлось спешить изо всех сил, но я не думал, что она не выдержит... Мы раньше, бывало, скакали так же быстро, но, наверное, для нее оказалось далековато... Клянусь, если бы я знал, что почти загоню ее, то лучше бы не спешил, и пусть бы василевс делал что хочет! Если она погибнет, никогда себе этого не прощу! Она такая красивая! Какие у нее глаза! Когда я с ней разговариваю, она все-все понимает! А какие зубы! И какая гладкая шерсть — просто шелк! Она мне всех дороже! Если Господь отнимет у меня ее, я тоже умру!

— Но ты же сказал, ей лучше? Господь тебя услышал. Хрисолита — прекрасная кобыла, очень выносливая. Не сомневаюсь, скоро она совсем поправится, и вы вновь будете скакать по лугам, обгоняя ветер, — утешал Феофан. — Епифану ведь часто приходится иметь дело с загнанными лошадьми, он хорошо знает, что в таких случаях делать.

Протовестиарий жил во дворце, который прежде принадлежал патрикию Роману Сарониту — зятю Романа василевса, неудачно пытавшегося отнять царскую власть. Разоблаченный святым старцем Василием, он вскоре после этого умер, а его имущество, поскольку заговор раскрылся, василевс забрал в казну. Роскошное жилище неудачливого заговорщика он отдал Феофану, в награду за удачно проведенные переговоры о браке юного болгарского царя Петра и внучки василевса, Марии. Как евнух, Феофан на царский трон притязать не мог, и Роман не боялся его возвышения, а к тому же очень ценил ум Феофана, находчивость, ловкость в переговорах

и умение обращаться с варварами. И не напрасно: с тех пор протовестиарий еще не раз показал себя. К примеру, семь лет назад он содействовал заключению мирного договора с уграми и тем обезопасил от них северные рубежи державы ромеев. Полный, рыхлый, с мягким безбородым лицом, умевший напустить на себя вид и строгости, и добродушия, жилистым варварам он казался смешным и неопасным — но ум его был острее их мечей и служил оружием не менее действенным.

А совсем недавно Феофан стяжал славу и совсем иного рода. В начале лета, когда Бог привел на землю ромеев бесчисленную скифскую¹ орду, в Босфоре состоялась битва, которой Феофан мог заслуженно гордиться. Имея всего три тысячи стратиотов на одиннадцати старых полугнилых хеландиях, кое-как в спешке починенных и снабженных огнеметными устройствами, он остановил десятитысячное войско скифов. Часть была сожжена на воде, большинство повернуло назад и ушло обратно в Евксин². Далее скифы двинулись вдоль побережья Вифинии на восток, и здесь мера Феофана уже ничего не могла с ними сделать. Лишь около десятой части скифского войска прорвалось в Пропонтиду, но, хотя они и разграбили предместья и даже Керас, об осаде самого Великого Города с такими силами нечего было и мечтать. Дней через десять они ушли на восток вдоль Никомедийского залива, а их соплеменники в Евксине — тоже на восток, но вдоль северного побережья Вифинии. Угроза столице миновала, и Феофан привел свою меру назад в Неорий. С тех пор, вот уже почти три месяца, хеландии стояли в военной гавани, а Феофан вернулся к своим обычным делам. Тем не менее часть судов, что полегче на ходу, постоянно несла дозор в обоих опасных направлениях, и Феофан днем и ночью

¹ Греки и в X веке называли скифами (или тавроскифами) всех живущих к северу от них: славян, русов, болгар. Это дань литературной традиции, а не убеждение, будто славяне происходят от скифов.

² Евксин — одно из греческих названий Черного моря.

держал в уме, что в случае угрозы ему придется вновь облачаться в золоченый клибанион, опоясываться пекторарионом¹ и под защитой самоцветного «военного креста» с частицей пояса Богоматери вновь выходить в пролив, готовясь принять бой. От этих мыслей он худо спал и неохотно ел. Единственного в его жизни морского сражения — струи пламени из жерл огнеметов, черные клубы дыма, дикие вопли сгорающих заживо скифов, вонь паленой плоти, долетавшая до палубы, — ему хватило, чтобы не желать повторения. Каждый должен заниматься своим ремеслом.

Дальнейшая оборона державы была делом стратигов фем и domestika схол Востока, патрикия Иоанна Куркуаса. К осени те достигли уже немалых успехов: путем искусных маневров, уничтожая отряды скифов, оторвавшихся от основного войска, нападая из засады, пользуясь лучшим знанием местности, Варда Фока, стратиг фемы Армениак, истребил несколько тысяч скифов и тем заметно ослабил их. По последним донесения василевсу Роману, скифы заняли Гераклею в Пафлагонии и стоят там. Но туда же двинулся от границ Сирии патрикий Иоанн с более чем сорокатысячным войском. Числом его силы, подкрепленные частью тагмы Эксувитов, превосходили скифов в три-четыре раза. Можно было надеяться, что уже в ближайшие дни Бог поможет ему окончательно разбить варваров и надолго избавить державу ромеев от последней угрозы с севера. Со дня на день Феофан ждал гонца от патрикия Иоанна и молился за его успех. Сейчас ему приходилось сторожить Босфор с обоих концов — северного и южного. Если скифы, ушедшие вдоль Евксина, будут разбиты, одной угрозой станет меньше и его мере можно будет сосредоточиться только на той части их войска, что отправилось в Пропонтиду.

На крыльце Феофан мигнул слуге, и когда гость с хозяином уселись в триклинии, их уже ждал на мозаичном каменном

¹ Пекторарион — пояс, видный на изображениях византийских воинов, часто поверх панциря. Вероятно, имел некое статусное или ритуальное значение.

столике золоченый кувшин вина, настоящего на лавровых ягодах, пирожки, свежие смоквы и персики. Феофан сразу налил гостю вина в большой стеклянный бокал с позолотой, и тот накинулся на медовые колечки, будто бродяга с рынка.

— Со вчерашнего дня не ел... — отчасти извиняясь, пробурчал он с набитым ртом, запихивая в рот сладкий пирожок едва ли не целиком и уже держа в другой руке следующий — с сыром и миндалем. — Ничего в горло не лезло...

Младший сын Романа из Лакапы родился уже тогда, когда тот достиг немалых степеней, но изысканные обычаи знати в этой семье так и не прижились. В церкви либо при дворе Феофилакт умел напустить на себя важность и шествовал позади предносного креста¹, будто воплощение грозной мощи Господа, чему весьма способствовал его высокий рост, широкие плечи и исполненная силы повадка. Но среди своих он расслаблялся, и под личиной главы ромейской церкви ясно проступали черты крестьянского парня. Политые разогретым каштановым пафлагонским медом и посыпанные дробленными орехами кусочки яблока и дыни Феофилакт хватал с блюда прямо пальцами, хотя рядом лежала золотая двузубая вилочка. Но Феофан только улыбался, как нежная мать перед любимым чадом, и не собирался учить патриарха застольным приемам.

— Кушай, отец мой, тебе надо подкрепить твои силы, — ласково кивал Феофан. — Тебе ведь скоро служить — Воздвиженье Креста Господня...

— Да, и это еще, — горестно вздохнул Феофилакт. — Будто мне с Хрисолитой заботы мало! Тут еще Воздвиженье, и еще василевс... Это же он меня к тебе прислал. И Стефан тоже.

— Вот как? — Патрикий встрепенулся. — Роман август передал мне свою волю?

А он-то уж было подумал, что патриарх приехал только душу излить.

¹ Патриарший предносной крест — распятие на древке, которое носят перед патриархом во время богослужения.

— Он говорит, — Феофилакт бегло облизал сладкие пальцы и приложился кубку, — надо уже что-то делать с этими проклятыми скифами, что засели в Никомедии. А то они, похоже, намерены там остаться зимовать.

— Господь Всемогуший, только не это! — взмолился Феофан, воздев сверкающие перстнями пухлые руки.

— Вот-вот! — Феофилакт торопливо откусил половину персика. Сок потер по его гладкому подбородку, закапал на зеленую шелковую мантию. — Надо как-то, с Божьей помощью, их оттуда выгнать. Он велел тебе подумать, не послать ли к ним послов.

— В Никомедию?

— Туда. Ведь этот дьявол, что там засел во дворце того тупицы, Стахия, говорит, он сын того их старого архонта Эльга, который при Льве и Александре крокодил...

— Где крокодил? — изумился Феофан.

— Приходил! — Феофилакт проглотил то, что было во рту. — Сюда приходил, говорю!

— Прости, я стал плохо слышать. Видно, к старости... Да, — кивнул Феофан, — тот архонт, что в Никомедии, говорит, что он племянник по брату того Эльга и старший в своем поколении. Поэтому носит то же имя — Эльг. У этих скифов, то есть росов, считается очень важным, чтобы имя прежнего вождя носил только его законный наследник и больше никто. Наверное, после смерти того прежнего Эльга этот — единственный Эльг в Росии.

Благодаря гражданам Никомедии, что уже больше месяца жили под властью скифского архонта, протовестиарий знал о пришельцах настолько много, насколько это возможно для того, кто не встречался с ними лицом к лицу. Не считая битвы в Босфоре, конечно.

— Константину расскажи — пусть к себе в книги запишет, — хмыкнул Феофилакт, подшучивая над привычками зятя скрываться от жизни в ученых трудах. — И что — те беглые девки все еще со скифами? — Патриарх с презрением выпятил губу.

— Вероятно, да, — Феофан поднес ко рту руку с перстнями, пряча усмешку. — Поскольку понятие о добродетели варварам неведомо..

— Да поразит их Господь! — Феофилакт с негодованием взмахнул рукой, взглянул на нее и слизнул пятно от меда с края ладони. — Я тут подумал — это были мои женщины, они ведь были монахинями, хоть и очень плохими! А этот проклятый скиф украл их у меня! И теперь развратничает с ними в Никомедии, пьет Стахиево вино, а его мерзавцы обчищают округу по всему Никомедийскому заливу! А к тому же он еще выпустил из тюрьмы проклятого Созонта, этого самозваного епископа, и слависиане¹ смеются надо мной. Из-за него я себя чувствую дураком! Как обманутый муж!

— Не говори так, отец мой, это уж совсем не пристало.. — пытался унять его Феофан, мысленно, однако, оценив сравнение.

— А ты из-за него третий месяц в Неории ночуешь!

— Это почти верно, — вздохнул Феофан.

— Не пора ли нам покончить с этим беспокойством? А девок гуляющих пусть забирает с собой в ад, мне они не нужны! Пусть их там всех вместе черти жарят!

Патриарх выразился грубее, и Феофан беспокойно сглотнул, радуясь, что в его доме их не может слышать никто лишний. Вероятно, Феофилакт потому и оказал ему честь своим посещением, что желал поговорить свободно.

— Что нам за дело до их грехов? — Феофан попытался отвлечь мысли патриарха. — Это же варвары, а те женщины мало чем их лучше. Поместив их в монастырь и дав возможность спасти душу, ты сделал все, чтобы вернуть их самих на путь добродетели, а их души — Богу, но дьявол в них оказался сильнее. Так что они пошли путем, который сами себе выбрали.

¹ Слависианами в это время называли проживавших в Малой Азии славянских переселенцев, еще сохранявший свой этнический облик.

— И среди них те две, до которых весьма охоч был мой брат Стефан! Его от злости корежит, как он об этом вспоминает!

— Тише, отец мой! — взмолился Феофан и даже скривил свое пухлое лицо от досады.

Ну да, все знают: весьма высокопоставленные люди порой посещали монастырь Марии Магдалины, и вовсе не для того, чтобы павечерия слушать. Однако благоразумным людям ни к чему упоминать о таких вещах — пусть и с надежными собеседниками.

Но только патриарх благоразумием не отличался.

— Эти девки его, Эльга, научили изображать василевса! — горячо продолжал он. — Ты сам слышал: он принуждает тамошних динатов отдавать ему поклонение, как помазаннику Божию! Он спит с девкой, с какой спал василевс, и заставляет людей падать ниц перед ним, как перед василевсом! А та девка сидит с ним рядом, разряженная, как царица, и он принуждает честных людей кланяться ей и подносить дары! Прямо как новая Феодора!

— Рассказывают и такое! — Феофан усмехнулся. — Ну что же, если никомедийцы выказали себя такими дураками и не сумели отличить скифов от стратиотов Стахия и сами впустили их в свой город.. Хотя, разумеется, требовать себе царских почестей — это ужасное кощунство! — Опомнившись, он сделал суровое лицо.

— Сколько же можно такое терпеть! Стефан уже сам готов взять тагму и идти туда к нему!

— А вот это уже совсем неразумно! — Феофан нахмурился. — У Зенона семь сотен человек, а у Эльга — две тысячи. Да еще слависиане выступают на их стороне, поскольку он освободил из тюрьмы их самозванного епископа..

— Вот и отец сказал, чтобы Стефан не вел себя как дурак. Но тут дело непростое. Пора уже что-то решать. Послушай меня. Во дворце идут разговоры, — патриарх сурово нахмурился. — Мне братья рассказали. Люди болтают, что-

де Феофан себя вообразил самим Велизарием¹, три месяца уже числится архонтом меры, деньги получает, а ничего не делает.

— Это кто же так говорит? — улыбаясь, прищурился Феофан.

Злословие ему, как и всякому достигшему успеха в службе, было не в новинку.

— Горгоний говорит, Наркисс.. я тебе скажу, это все от Селевкия и Матфея ползет! — Патриарх наклонился ближе к собеседнику. — Они тогда были против того, чтобы давать скифам сражение в Босфоре, а мы с тобой одолели, василевс прислушался к нам, и мы оказались правы, вот они с тех пор желчью исходят и пытаются дерьмом замазать нас и наше решение! Но и василевс недоволен, что с этим Эльгом уже два месяца никто ничего не может сделать.

— Но терпение Господне имеет меру, и вскоре она переполнится.

— Пора уже. Их архонта Ингера мы разбили, — Феофилакт рукавом черной шелковой рясы стер персиковый сок с подбородка, — и если бы он не вынырнул у болгар, можно было бы думать, что он вовсе погиб. То войско, что вышло к Пафлагонии, возглавляет какой-то другой архонт. И в Никомедии сидит третий, то есть Эльг.

— Я уверен, это ненадолго. Скоро патрикий Иоанн разобьет скифов в Пафлагонии, и ему оттуда пути до Никомедии дней семь-восемь. А если одной конницей — то дней пять. У него не менее сорока тысяч войска, и эти две тысячи скифов он раздавит, как муху.

— Вот именно! А теперь подумай — хорошо ли это будет, если тех скифов разобьет Иоанн? Он и так в последние годы слишком много о себе мнит. Василевс ему слишком доверяет, и он еще пожалеет об этом! Что будет, если Иоанн

¹ Велизарий — живший в VI веке один из величайших полководцев Византии.

разобьет сперва сарацин, потом скифов в Пафлагонии, потом скифов в Никомедии! Что же ему потом — триумф устраивать? Может, еще Золотые ворота открыть?

— Как можно так говорить — он не август, чтобы въезжать через Золотые ворота...

— А как знать, кем он себя вообразит после стольких побед? Сколько у него появится сторонников? Толпа падка до успеха, ей плевать на законные права! Василевс задумал взять у Иоанна дочь замуж за Романа-младшего. Теперь подумай — если он окажется в родстве и с нами, и с Константином¹, не решит ли он, что лучше нас годится для Соломонова трона?

— У него есть такие замыслы? — в изумлении Феофан поднял брови.

Странно, если бы были, а он не знал.

— Кто знает, что у него есть? — мрачно ответил Феофилакт. — А отец его приближает — как будто случай с Саронитом ничему его не научил! Можно ли быть таким ду... непредусмотрительным — в его-то годы! Стефан говорит, мы не должны допустить, чтобы Иоанн собирал такие победы, будто спелые гранаты с дерева. Мы должны сами очистить Никомедию от варваров. И тебе я бы тоже посоветовал подумать, как это сделать, не дожидаясь Иоанна и его войск. Как друг тебе говорю, поверь мне! — Патриарх протянул длинную жилистую руку и схватил сразу две смоквы — зеленую и лиловую. — Я и так из-за Хрисолиты с ума схожу, а тут еще это! Дьявол бы побрал этих скифов и всю их вшивую страну! Подумай, что можно сделать, ты же умный человек!

— Для начала я отправил бы к ним посольство. Найду толковых людей, чтобы посмотрели вблизи на этого «царя

¹ Роман-младший — внук нынешнего старшего императора Романа Лакапина. Сын Романовой дочери Елены, выданной замуж за Константина из предыдущей Македонской династии (сейчас — одного из соправителей).

Никомедийского», — Феофан усмехнулся, давая понять, что эти титулом награждает варвара исключительно шутки ради, — и разузнали, как он настроен и что собирается делать. И если... — Феофан постучал пальцами по столу, — если мы не хотим отдать честь этой победы Иоанну, то у нас один путь — заставить скифов уйти из Никомедии. Выйти в залив, в Пропонтиду. И тогда я сам смогу разобраться с ними при входе в Босфор, как это было в начале лета. Пока он остается в городе, он для нас недоступен.

— Вот так и сделай! — горячо одобрил патриарх. — Ты одержишь еще одну победу, Иоанн останется ни с чем, и все твои завистники заткнут свои вонючие рты!

— Если бы Святая Дева еще раз была ко мне так мило-стива, как в июне, то именно этого мы бы и достигли, — Феофан взглянул на расписной потолок, где над мраморной аркой входа имелись изображения Христа и святых. — Надеюсь, ты pomoжешь мне своими молитвами, как в тот раз, и мы одержим нашу общую победу!

— Да если только Богоматерь сохранит мою Хрисолиту, я так молиться буду, что... с кровли камни посыплются!

— Вот это уже слишком! — улыбнулся такой горячности Феофан.

— Предложи им, что, если они оставят всю добычу и пленных, их пропустят в Евксин свободно.

— Роман август желает, чтобы мы их выпустили свободно? — удивился Феофан.

— Ну, если они оставят все, что захватили?

— Нет, отец мой, — протовестиарий покачал головой. — Пусть они ограбили половину Вифинии — не так уж это много в сравнении с честью державы ромеев. А вот если люди, грабившие Вифинию, уйдут безнаказанно, мы потеряем куда больше.

— А если заставить их креститься?

— Можно попробовать. Но скифы — то есть русы, мы имеем дело с ними, — крестились при заключении договора уже не раз, и пока не заметно, чтобы это как-то смяг-

чило их дикие нравы. Они уже крестились при Михаиле Третьем, но потом у них сменилась власть, и новые архонты вновь вернули страну к идольской вере. Но в замысле василевса есть драгоценное зерно мудрости, — Феофан почтительно склонил голову с ухоженным и слегка подвитыми полуседеыми волосами. — Ингвар, их главный архонт, уже разбит и бежал. Того третьего, что засел в Гераклее, вот-вот разобьет Куркуас, и я очень надеюсь увидеть его в цепях в Константинополе, прикованного к триумфальной колеснице Иоанна. Остается Эльг в Никомедии. Если мы разделимся с ним, то избавимся от скифской опасности лет на двадцать-тридцать.

— Вот этого и нужно достичь, — кивнул Феофилакт, обгрызая косточку последнего персика.

Двадцатитрехлетнее тело просит еды, даже если владелец его — патриарх. Феофан задумчиво смотрел на стол и на расписное блюдо с россыпью персиковых косточек, но видел совсем другое. Если Иоанн с его войсками разобьет тех скифов, что в Пафлагонии, то ему, Феофану, с его огненосными хеландиями, больше не будет нужды сторожить от них вход с Евксина в Босфор. Можно будет сосредоточиться на этих скифах, в Никомедии. Кентрахи меры, как он знал, после успеха начала лета отчаянно жаждали нового боя и утверждали, что и все их страты стремятся к тому же. Но Феофан был не любитель ратной доблести и полководцем стал лишь волею василевса, который в то время не имел выбора. Сам он порадовался бы, если дальнейшую заботу об обеих частях скифского войска взял бы на себя domestik схол Востока и его стратиги.

Но патриарх и все пославшие его венценосные родственники правы — не стоит отдавать столько славы одному патрикию Иоанну. Завистникам необходимо заткнуть рты. И если ради этого придется вновь натянуть клиабинион и прочее снаряжение — что ж, такова воля Святой Девы, покровительницы Великого Города.

Тобой земля вся повивается и град,
Спасенный Богом, Дево, чрез тебя.
О воевода деятельная бдения,
Возрадуйся, с готовым сердцем Ты стоишь,
Не говоря, повелеваешь, и восстание
Твое становится врагов падением...¹

— вспоминал он стихи Георгия Писиды, укрепляясь духом от этого соединения искусства и благочестия.

Патриарх испустил глубокий вздох. Феофан поднял взгляд: в глазах Феофилакта под припухшими от недосыпа веками отражалась тоска.

— Бог милостив к нам, — закивал Феофан, беря его руку в попытке утешить. — Твоя любимица будет здорова.

— Господь не отнимет у меня еще и ее! — жалобно ответил Феофилакт, и его черные глаза влажно заблестели. В эти мгновения он казался даже моложе своих двадцати трех лет. Что ж, волею василевса кое в чем ему суждено остаться ребенком. — Что у меня есть? Какая радость?

— Но Господь и Роман август послали тебе величайший долг и честь...

— А я просил? — Глаза Феофилакта гневно сверкнули, черные густые брови нахмурились, белые зубы блеснули, как у зверя. — Я всего этого хотел? Я бы хотел... чтобы только я и Хрисолита, а вокруг горные луга, озера, облака... тогда я был бы счастлив. И пусть бы я был просто пастухом.

Патриарх горестно вздохнул, оглядел столик, где плоды остались только в узоре крышки, выложенные кусочками цветного камня.

— А ты... вели, что ли, цыпленка поджарить... или пару голубей. Ну, говорю же, — я от волнения со вчера не ел, а молитвами сыт не будешь! — обиженно пояснил он в ответ на удивленный взгляд хозяина.

¹ Перевод Владимира Василика.

— Но отец мой, постный день! — Феофан всплеснул руками.

— Господь от меня так много хочет, а цыпленка ему для меня жалко? — оскалился Феофилакт, и в это мгновение он был похож на голодного волка и на дитя одновременно.

— Сейчас все подадут, — улыбнулся Феофан и кивнул слуге у двери. — У меня есть отличные фазаны, и если начинить их рыбой и поджарить на углях...

Правитель ромеев всемогущ, его воля — закон ему и всей стране. Он может своего шестнадцатилетнего сына сделать патриархом, поставив во главе множества ученых мужей, осиянных благочестием и убеленных сединами. Но и ему не под силу сделать пригодным для патриаршего жезла того, кто и правда был бы куда счастливее с посохом пастуха.

* * *

Рассказал бы кто-нибудь — в Хейдабьюре, в Хольмгарде, в Киеве, — что бывает такая война, Хельги только посмеялся бы. А то он войны не видел! Зеленый тенистый сад среди беломраморных стен и колонн, крина в огромной чаше белого и зеленоватого мрамора, где среди белых крупных кувшинок плавают блестящие рыбки. Возле бортика крины на мягкой пятнистой шкуре какого-то зверя — вроде рыси, но побольше, — возлежит светловолосая дева, одетая в сорочку из ткани настолько тонкой и прозрачной, что красоту девы видно так хорошо, как если бы она была вовсе не одета. Рядом стоит золотой кувшин с вином и золотое же блюдо с виноградом, смоквами и персиками. Помахивая кистью красного винограда, дева нараспев читала стихи. Хельги, правда, не понимал ни слова, но под легкое журчание крины шло так хорошо, что он невольно думал: и какого еще рая надо этим христианам? Греческие «валькирии», вывезенные из монастыря Раскаяния, нравились ему больше тех, что он прежде воображал. Вот эта золотисто-желтая, совершенно прозрачная сорочка с красной шелковой опояской куда приятнее на

вид и на ощупь, чем та кольчуга, в которой Сигурд застал спящую Сигрдриву.

Фастрид здесь понравилось бы, — мысленно отмечал он. Сам Хельги был непривередлив и с тем же удовольствием выспался бы на кошме, брошенной у костра на землю, как на пуховике на резной золоченой лежанке. Но Фастрид оценила бы — эти мраморные стены, гладкие, как шелк, цвета свежего масла с тонкими сероватыми прожилками, эти кружевные навершия столпов — вырезанные из камня, а на вид легкие, как паутина. Причудливый узор на полу из разноцветных кусочков стекла, сосуды из камня и расписной глины изваяния людей и животных — в том числе и таких, каких на свете вовсе нет. Бесчисленные цветы всякого вида, цвета и запаха — он даже не спрашивал, как они называются, все равно не запомнить. Всегда яркое голубое небо. Свежий воздух с запахом моря, сладких и пряных растений. Далекие зеленовато-синие горы. Хельги жалел в душе, что не может привезти Фастрид все это. Только мелочи — паволоки и украшения, к которым она, правду сказать, равнодушна. А кусочки этого царства чудес — совсем не то, что все оно целиком.

Слависиане — местные жители славянского рода и языка — рассказывали, что дворец этот много столетий назад построил какой-то греческий царь. Еще до того как греки стали христианами, а предков слависиан тогдашние цари переселили сюда из Фракии. Дворец был огромный — как целый город из тех, что Хельги и его люди видели в Северных Странах и даже на Руси. Вокруг четырех внутренних дворов, опоясанных галереями на мраморных колонах, располагалось бесчисленное множество палат. Все двухтысячное войско Хельги поместилось здесь — а что почти все отроки спали на полу, так какая важность? Им не в новинку. Мраморные плиты с тонким мозаичным узором покрыли сеном, сверху бросили шкуры и кошмы. Сколь ни привык Хельги к своим людям, сколь ни понимал, что и сам такой же — не мог удержаться от смеха при виде своих «упырей» — красно-

рожих, нечесанных, с глазами убийц — среди этой утонченной красоты.

Рабы и служанки разбитого стратига готовили и подавали еду, стирали сорочки и порты, а русы несли свою службу: каждый день полутысячные отряды отправлялись в разные стороны на сбор добычи. С населения Никомедии Хельги первым делом взял выкуп за отказ от грабежей и насилий в самом городе: помог опыт захвата Самкрая. Разграблены оказались дома только тех жителей, кто бежал заблаговременно, бросив хозяйство и добро, какое не смогли унести. Населения поубавилось, но русам это было только на руку: легче поддерживать порядок. Теперь в Никомедии сохранилось относительное спокойствие. Ремесленники, уплатив выкуп частью своих изделий, занимались обычной работой, даже рынки кипели жизнью: жители селений, уже уплативших выкуп, получали право безопасно возить припас на продажу.

Стратиг фемы, правитель Никомедии, оставил русам «в наследство» свой дворец со всем имуществом. Основную часть добычи, как положено, складывали и охраняли, чтобы поделить после завершения похода. Но дворец Хельги счел общей добычей — и помещения, и все, что внутри. Найденное здесь добро он разделил между дружинами, чтобы бояре раздали своим людям. Никто из двух тысяч отроков не остался обижен. Шелковая сорочка, плащ-мантион, чулки, башмаки, или серебряная чарка, или золоченая ложка, или застезка с эмалью, или браслет, или золотая серьга с бусиной — хоть чем-нибудь разжился каждый.

— Что проку собирать и копить, если все мы завтра можем оказаться убиты? — говорил Хельги на пиру, где вино из стратиговых запасов лилось, будто вода. — Пожинайте плоды своей отваги, парни! Если нам не суждено отсюда уйти живыми, пусть последние дни наши пройдут в славе и радости! За вас, парни! — И он вскидывал на вытянутой руке золотую стратигову чашу, не боясь, что красное вино выплеснется и обольет его новый кафтан.

— За конунга! — орали сотнями голосов русы и славяне. — Конунгу слава!

Они готовы были умереть за него — за побочного сына Вальгарда, брата Олега Вещего, и датской девушки по имени Льювини. При жизни та очень удивилась бы, узнав, что в чужой далекой стране ей уже после смерти припишут славу жрицы и колдуньи. Еще немного — и ее станут звать дочерью конунга и валькирией, хотя на деле отец ее был всего лишь торговец плавленным железом из Свеаланда..

— Ты меня не слушаешь? — с упреком окликнула Хельги дева.

— А? — Он очнулся. — Слушаю. Но ты же не хочешь, чтобы я понимал? Это был Солон?

— Это был Гомер! — Акилина бросила в него виноградной. — Я так для тебя стараюсь! Вспоминаю самое лучшее, чему меня обучили самые выдающиеся умы Великого Города!

— Ну, я-то не из лучших умов Великого Города. Боюсь, на меня твоя наука окажется истрочена напрасно.

Вот уже три месяца как Хельги общался с греками, а Акилина жила среди русской дружины. Беседа их велась на смеси греческих слов со славянскими и норманнскими, из-за чего они порой понимали лишь половину из речи друг друга. Но большой беды в этом не было: Хельги взял с собой Акилину и полтора десятка ее товаров из монастыря Раскаяния не для ученых бесед.

— Ну, хочешь, я позову кого-нибудь, и мы тебе станцуем?

Акилина ловко извернулась, не вставая, и переместилась, положив голову Хельги на колени. За три месяца похода она отъелась и посвежела, монастырская худоба и бледность уступила место здоровому румянцу, золотистые волосы заблестели, белые руки округлились. Девчонкой Акилина попала в дом одного учителя риторики, где прислуживала его ученикам, потом один уговорил ее бежать с ним.. Потом она несколько лет зарабатывала на хлеб, слоняясь по улицам Константинополя близ книжных лавок, и умение красивой девушки поддержать беседу хоть о Гомере, хоть об Аристотеле

очень способствовала поиску желающих прикупить по случаю немного любви. Хозяева лавок даже подкармливали ее и порой прятали от стражи: многие ходили сюда в надежде скорее на встречу с ней, чем на новый список научного труда. Но однажды она попала в облаву городской стражи и очутилась в обители Марии Магдалины близ стен столицы, иначе — монастыре Раскаяния. Триста лет назад его учредила для своих бывших товарок василисса Феодора, сама в прошлом танцовщица. К счастью, Акилина пробыла там всего месяца три — и ничуть не огорчилась, когда набег русов на окрестности Константинополя вырвал ее из добродетельной жизни. Причем теперь, под покровительством щедрых и удачливых воинов, десятка два бывших монахинь, вернувшихся к прежнему ремеслу, жили куда лучше, чем в те времена, когда слонялись по рынкам, улицам и кладбищам, отыскивая случайного охотника до их красоты. «Вот теперь я вижу, что Бог и правда не забывает никого!» — говорила Феби.

— Не надо никого звать.. — рассеянно ответил Хельги и опустил руку — туда, где сквозь золотистую, как солнечный свет, ткань просвечивали самые соблазнительные плоды Греческого царства.

Акилина замурлыкала и изогнулась, давая понять, что может станцевать и сама..

Раздался свист. Хельги резко повернул голову: от колонны у входа в садик ему махал Ольвид.

— Там греки приехали! Чуть ли не от кейсара. Говорят, переговоры предлагают!

Акилина выпрямилась и села, и очень вовремя: Хельги мгновенно оказался на ногах.

— И где они?

— Славояров дозор привел. Там кентарх с десятком. Проят заложников. Если дадим, говорит, завтра приедет мечник от провеси.. вести.. тьфу, — еще не все греческие слова легко давались данам Хельги, — ну, главному их хёвдингу по нашим делам.

Если бы спафарий Ермий, доверенный помощник Феофана, слышал, как тот именует Хельги «царем Никомедийским», то теперь признал бы, что отдающая нелепостью доля правды в этой шутке была. Архонт скифов, по имени Эльг, принимал его в триклинии Диоклетианова дворца, сидя на мраморном кресле стратига Стахия, одетый в лучшее Стахиево платье. Родимое пятно на левой щеке и шее слева напоминало засохшую кровь и заставляло содрогаться — казалось, это зримый знак присущих варварам жестокости и звериной дикости. Длинные русые волосы указывали на весьма знатный род и подтверждали его право носить имя верховного правителя Руси. Вдоль триклиния с одной стороны выстроились его бородатые, краснолицые бояре, тоже все в шелковых камизионах и диветисионах с чужого плеча, а с другой — воины, все как один рослые, светловолосые, в дорогих доспехах. За шелковыми занавесями по сторонам покоя играли свирели и кифары. Ермий силился скрыть удивленную усмешку, но не мог не признать: вышло весьма похоже на прием у василевса, когда с одной стороны стоят высшие сановники, а с другой — телохранители-«львы». Кстати, набираемые из норманнов и очень схожие видом с этими своими соплеменниками. Отличие состояло лишь в том, что шлемы и панцири у телохранителей были разные, а среди сановников не нашлось ни одного евнуха — сплошь бородачи.

— Кесаря Эльга и его супругу надлежит приветствовать, припадая к стопам, — на хорошем греческом языке сообщил ему толмач и провожатый.

Звали его Николай, и был он, судя по всему, из слависиан, что еще Юстинианом были триста лет назад перемещены сюда десятками тысяч.

— Таким образом дозволено приветствовать лишь самого василевса, — возразил Ермий — рослый, лысеющий человек средних лет.

Неустанные труды подорвали его здоровье: он постоянно покашливал, щеки под черной бородой были впалыми, смуглая кожа плотно обтянула высокий лоб.

— Не нравится — поворачивай назад, — буркнул Николай. — До ворот я провожу.

«Непременно добейся свидания с ним! — вспомнил Ермий наставления патрикия Феофана. — Добейся, чтобы он тебя выслушал».

Ну, что же — как ни борется церковь с остатками эллинских обычаев, на Брумалии женщины переодеваются мужчинами, рабы — господами. Если думать, что сейчас Брумалии, то можно в шутку поклониться варвару, будто он василевс — кормчий христианского корабля. Главное, никому потом об этом не рассказывать, чтобы не сочли за измену...

А очутившись перед самозванным августом, Ермий понял, откуда у того познания в дворцовом обиходе. Рядом с его тронном стоял еще один, поменьше, и на нем сидела женщина лет семнадцати, белокурая, очень красивая, одетая в яркие шелка с золотой вышивкой и самоцветной каймой. Если бы Ермий не знал, кто она такая, то легко поверил бы, что скифский архонт и впрямь привез свою жену-архонтиссу.

Но Ермий ее знал, хоть и понаслышке. Это была Акилина, беглая монахиня из монастыря Марии Магдалины. Ее привезли туда среди других гулящих девок, чтобы вернуть на путь спасения. Но там же, с позволения брата-патриарха, ее и других таких монахинь, молодых, красивых и искусных в любви, посещали младшие василевсы, Стефан и Константин¹. Поэтому исчезновение этих девушек, Акилины и Таназии, из монастыря после набега варваров стало широко известно в Мега Палатионе и Великом Городе — об этом говорили под рукой, и тем не менее знали все.

¹ У Романа, помимо Стефана и Феофилакта, был сын Константин, тезка его зятя Константина — сына Льва из Македонской династии. То есть в описываемое время среди четверых соправителей было два Константина.

И, если не думать о том, что это всего лишь потаскуха с Месы, то ничего удивительного, если ее удостоили своим вниманием младшие василевсы, а скифский архонт приблизил к себе и даже величает супругой. Родись эта женщина в Порфириевой палате, где появляются на свет царские дети, — о ее красоте ходили бы сказания по всему обитаемому миру, превознося, как новую Прекрасную Елену. Впечатление от красоты портило лишь вызывающее, почти хищное выражение глаз небесной голубизны: это были глаза не мохавины, а волчицы. Истинная пара для вождя скифов, прославленных жестокостью нравов.

Царский уклад не позволяет царице в Мега Палатионе принимать гостей вместе с венценосным супругом. Августе они приходят поклониться отдельно, в присутствии ее собственного двора из знатных жен и евнухов. Но варварская «царица» Акилина желала присутствовать при том, как царедворцы настоящего августа будут лобызать башмак ее нового скифского «супруга». Возле ее трона столпились женщины, такие же нарядные и увешанные украшениями, — пересмеивались между собой, глядя, как Ермий приближается к бывшей потаскухе. Одетые как «опоясанные зосты», они сохранили повадки девок, кому не привыкать толкаться среди мужланов.

Вместо логофета дрома, который в таких случаях принимает вопросы и отвечает на них вместо василевса, у трона стоял один толмач. И архонт Эльг обратился к Ермию сам, что тоже по царскому укладу не полагалось.

— Кто тебя прислал?

— По поручению василевса Романа, меня послал к тебе протовестиарий, патрикий Феофан.

— И что тебе поручено сказать нам?

— Прежде всего патрикий Феофан от имени василевса Романа желал бы уточнить: правда ли, что ты, архонт Эльг, состоишь в ближайшем родстве с прежним архонтом Эльгом, которому даровали дружбу василевсы Лев и Александр около тридцати лет назад?

— Это правда, — с удовольствием подтвердил Хельги. Ему польстило то, что грекам известен самый весомый повод для его гордости. — Препный русский князь Олег — мой дядя по отцу. Мой отец был его братом, следующим после него по старшинству, и я — его старший сын. Сыновей самого Олега давно нет в живых, и в нашем поколении я самый старший.

— Означает ли это, что ты имеешь преимущественное право на власть в Росии? — почтительно уточнил Ермий.

— Именно это и означает! — Хельги откинулся на спинку кресла. — Я — первый наследник Вещего Олега на Руси.

— В таком случае, у меня есть для тебя важные вести. Патрикий Феофан поручил мне спросить: известна ли тебе судьба твоих соратников, других архонтов Росии, которые вместе с тобой пришли три месяца назад на священную землю ромеев?

— А ты можешь мне что-то поведать об этом?

Хельги слегка переменялся в лице и подался вперед. Судьба «других архонтов Росии», то есть Ингвара, Мистины, Эймунда и прочих больших бояр, была ему совершенно неизвестна. Лишь от пленных греков он слышал, будто какие-то русы почти все лето разоряют северное побережье Вифинии. Часть попавших к нему в руки беженцев с берегов Ребы и Сангария как раз от них и спасалась.

— Архонт Ингер в битве в Босфоре, где ему пришлось столкнуться с мерой патрикия Феофана, получил тяжелые раны, был увезен своими людьми в тяжелом состоянии, и пока неизвестно, выжил ли он. Уцелевшие русы на северном побережье Вифинии были осаждены в Гераклее патриkiem Иоанном, стратигами Вардой Фокой и Панферием. То войско было на днях разбито, а остатки его бежали. Василевс только что получил весть об этом. Везде Христос поразил силу язычников...

— Но кто возглавлял то войско? — перебил его Хельги.

— Как говорили пленные, это был Мистислав, сын Сфенкелда.

— И он погиб? — Хельги едва не подскочил.

От предчувствия такого подарка судьбы его бросило в жар.

— Его конь стал добычей стратига Варды, и некие люди видели, как он упал мертвым. Но тела его не сумели опознать среди множества изуродованных трупов, оставшихся там, где мечи тагмы Экскувитов обрушились на пеших рурсов, будто гнев Божий. Ужасная судьба ожидает тех, кто осмеливается бросить вызов хранимой Богом державе ромеев! Таким образом, сколько нам известно, ты, архонт Эльг, остался единственным, кто может притязать на власть над Россией.

Как ни хорошо владел собой Хельги, а при этих словах ему пришлось стиснуть зубы, чтобы не выдать кипения чувств. Одно дело — когда он сам держал подобные речи перед собственными людьми, которые, уж конечно, считают его достойным хоть Соломонова трона. Но услышать это же из уст посланца самого царя греческого! Это было равнозначно признанию его прав самим василевсом!

Пусть-ка теперь кто-нибудь попробует назвать его краснорожим ублюдком, сыном датской шлюхи из гавани! Неужели те, кто так его называл, ушли в Валгаллу и освободили ему дорогу к Олегову столу?

Однако дальнейшая речь посланца несколько отрезвила его и заставила сосредоточиться.

— Патрикий Иоанн, покончив с архонтом Мистиславом под Гераклеей, направляется со своими сорока тысячами войска сюда, — продолжал Ермий. — Он может быть здесь не позднее, чем через пять дней. И сколь хорошо ни были бы укреплены стены Никомедии, ты сам понимаешь, что у тебя с твоими двумя тысячами не много надежды выстоять против них. Со стороны моря же вас ожидает патрикий Феофан с его огненосными хеландиями — за эти три месяца они были починены, обрели легкий ход, и теперь им не составит труда догнать и уничтожить твои суда, как они уничтожили более сотни судов Ингера в июне.

Это Хельги слушал с непроницаемым лицом, но его бояре переглядывались и делали друг другу знаки. Долетал недодующий и встревоженный шепот. Дружина Хельги и рань-

ше подозревала, что, кроме них, русов в Романовом царстве не осталось, а теперь это подтвердили и сами греки.

Сорок тысяч войска! Да, посланец прав — от такой силы стены Никомедии не спасут. А жители, до сих пор сидевшие смиренно, немедленно поднимутся и ударят в спину чем придется, едва вдали запестреют стяги Иоанна.

Оставалось одно — сесть на корабли и отступить. Но путь к отступлению один — через Босфор, а там — огненосные суда. Люди Хельги видели их в деле и не хотели увидеть вновь, став к тому же единственной целью сифонаторов.

— И зачем ты рассказываешь мне об этом? — нетерпеливо спросил Хельги.

У него было чувство, будто он стоит между мирами огня и льда, овеваемый жаром и холодом одновременно. Грек манил его надеждой стать единственным и признанным правителем Руси, одновременно запугивая неизбежной гибелью от греческого меча и огня. Честолюбивая мечта кружила голову, но осторожность требовала забыть об этом и немедленно искать пути к спасению своей жизни и своих людей.

— Поскольку василевс желает одного — жить в мире и дружбе со всеми окружающими державу ромеев народами, то сейчас он предлагает тебе следующее. При соблюдении некоторых условий, ты и твои люди получите свободный проход через Боспор Фракийский и невредимыми выйдете в море.

— Что это за условия? — воскликнул Хельги, с силой сжимая мраморный подлокотник.

— Первое: ты должен дать клятву за себя и своих людей больше не поднимать оружие на державу ромеев, и, если тебе удастся утвердиться на троне России, на будущее лето прислать послов для обсуждения договора о мире и дружбе.

Хельги кивнул: именно к этому, то есть к договору, стремился каждый, кто занимал княжий стол в Киеве. Собственно, Ингваром этот поход был затеян не только ради добычи и славы, но и для того, чтобы принудить греков к заключению такого союза.

— Второе: ты и твои архонты должны принять святое крещение. А уж василевс не поспежит на доказательства того, что взыскующий царство Божие на небе получит всю мыслимую роскошь для жизни на земле.

— Про что это он? — удивился Благожа.

— Это значит, что за согласие принять крещение василевс пришлет нам богатые дары? — улыбнулся Хельги, уже знавший, как делаются такие дела.

— Ты верно понял, — кивнул Ермий. — Вы сами убедитесь, что Бог дал избранному Им народу ромеев совершенную мудрость и наградил их превосходством в богатстве и роскоши, отвечающим их превосходству в добродетели. Помня об этом, вы не сочтете слишком трудным последнее условие: вернуть василевсу все захваченные вами богатства и пленных.

Зная нравы варваров, Феофан четко предписал Ермию это условие выдвинуть самым последним. Сначала шли легкие условия, которые скифам нетрудно принять. Настроившись на соглашение, видя его уже совсем близко, почти в руках, они сами станут уговаривать себя и на последнее.

— Отдать добычу? — Хельги вновь изменился в лице. — Василевс хочет, чтобы мы выдали все, что было нами захвачено в этой стране?

Русы переглядывались, будто спрашивая друг друга, верно ли поняли.

— Мы обсудим, что именно из захваченного Роман август согласится оставить вам в качестве даров. Но это условие обязательно: все имущество христиан, не говоря уж об их свободе, должно быть возвращено христианам. Впрочем, — Ермий посмотрел на Акилину, — вот эту женщину и ее товарок ты можешь оставить себе. На их возвращении василевс не настаивает.

— Тебя не спросили, где мне оставаться! — возмущенно отозвалась Акилина. — Мне не требуется позволение василевса, чтобы быть там, где я хочу! Да я скорее умру, чем вернусь туда, откуда меня взял архонт Эльг!

Ермий отвел глаза, не намереваясь унижаться до споров с гулящей девкой. И ни к чему ей видеть в его глазах неприкрытое пожелание как можно скорее отправиться в ад заодно со своим новым хозяином.

— Не думаю, что это третье условие нам подойдет, — холодно сказал Хельги. — Насчет второго мы с дружиной еще могли бы подумать, но то, что нами однажды было взято, останется с нами, пока мы живы.

— Вы можете подумать. Правда, времени до подхода войск патрикия Иоанна остается все меньше, но... если вы не примете второго условия, то ведь гибель в бою для вас будет считаться честью и счастьем? — улыбнулся Ермий. — Это одолжение василевс готов оказать вам без всяких условий, как велит ему Христова заповедь милосердия.

— Больше тебе ничего не поручено передать?

Ермий с поклоном развел руками.

— Приезжай за ответом через три дня, — так же холодно ответил Хельги.

Поклонившись еще раз, Ермий направился прочь из триклиния, к своим людям, ожидавшим у дверей. Дабы лицом не выдать своих чувств, он молился про себя, стараясь думать только о боге.

Тонкий ум патрикия Феофана все рассчитал в точности. Какое бы решение ни приняли скифы — отвергнуть условия, частично принять, принять полностью, — протовестарий останется в выигрыше. Здесь, в Никомедии, гордые собой скифы оказались в ловушке, откуда всего два выхода. И оба ведут прямо в ад.

* * *

Уже настала глубокая ночь, и огромный дворец почти затих. Полной тишины здесь не наступало никогда: от вечерних сумерек до утренних кто-то ложился, кто-то вставал — в дозор, по нужде или оттого, что не спалось. Кто-то храпел — самых отчаянных храпунов выселяли во внешние

галереи, где они раскатывали свои кошмы среди мраморных колонн, — кто-то сопел, свистел, разговаривал во сне. В большие окна вливался запах цветущих белых кустов — Хельги уже раза три спрашивал у Акилины их название, но всякий раз забывал. Изредка долетали шаги, голоса очередных дозорных десятков, идущих на стражу или спать. Обычно до самого утра из триклиния доносились пьяные голоса и песни: у пары сотен из двухтысячного войска всегда находилось желание попить. Долетали звуки флейты — когда для Агнулы нашли флейту слоновой кости, она вспомнила свое забытое в монастыре искусство. Другие девушки пели. Русы не понимали слов, но радостно хлопали и даже пытались подпевать медвежьими голосами, отчего девушки сбивались на хохот. Бывшие монахини отсыпались днем, пока мужчины были заняты службой, зато очень украшали им вечерний и ночной отдых. Совсем не то, что обычные пленницы — те если не рыдали непрерывно, уже хорошо. Где уж там смеяться и танцевать!

Но сегодня и в триклинии было тихо. Бояре и оружники спорили и толковали до ночи, а потом разошлись спать — непривычно трезвые. Пора было приводить головы в порядок. Но мысль, что это одна из их последних ночей в этом дворце, долго не давала заснуть.

Хельги все не спал, пытаясь в свете луны различить на верхней части стены знакомые фигурки нарисованных оленей и львов. Несмотря на близость осени — Акилина сказала, что скоро уже будут убирать виноград, — и ночью висела жаркая духота, так что он лежал, откинув покрывало из плотного шелка. За последние два месяца Хельги привык к этой роскоши, но теперь вдруг взглянул на нее свежим взглядом и не верил своим глазам. Покой со стенами из светлого мрамора, гладкого, как стекло, роспись на потолке, колонны цветного камня по углам, резьба, позолота, мозаичные узоры на полу. Широкая лежанка — Акилина называла ее «кревати» — на львиных лапах, пуховые перины и подушки, шелковые настилальники ... Бойкая красивая девушка под

боком. Акилину он не делил с хирдманами: как и этот китон, она принадлежала ему одному. Все это походило на сон. На приключение под горой у троллей...

Настало время расплачиваться за три месяца удачи. Его люди невредимыми проскочили мимо огнеметов, прошли по Керасу и Пропонтиде, не встретив превосходящего противника, а из немногочисленных схваток вынесли новую славу. Добычи взяли столько, что всего не увезти: серебряные милиарисии и золотые номисмы, бронзовые и позолоченные кувшины, блюда, чаши, украшения, застежки, дорогие мечи, одеяния всех мыслимых и немыслимых цветов, которые даже назвать на родных языках не получается. Не говоря уж о шлемах, панцирях и поножах. А вино! А всяких пахучие порошки, от которых отчаянно чихаешь, стоит понюхать их сами по себе, но которые так украшают вкус мяса, рыбы или овоща. Три месяца они прожили, будто в Ирии, среди довольства и веселья. А те, кто за это все платил жизнью, со славой отправлялся в небеса — чтобы там жить такой же веселой жизнью уже вечно.

И, возможно, дней через пять-семь они окажутся там все.

Когда царский посланец, Ермий, вышел, оба строя «царедворцев» смешались, все заговорили разом. Из трех больших русских дружин, разделенных и оторванных друг от друга струями «влажного огня» в Босфоре, люди Хельги Красного остались в Греческом царстве одни. Он и ранее не стремился к встрече с родичами-вождями, не желая делить с ними славу и добычу с берегов Пропонтиды, но теперь холодом отзывалась в груди мысль: все разбиты, кроме него. Судьба Ингвара неизвестна, и возможно, он погиб; Мистина разбит и тоже погиб... кажется, грек-посланец это сказал... Или дал понять, что греки сочли захватчика Гераклеи погибшим. Гордость за свою доблесть и удачу мешалась со страхом перед ближайшим будущим: разделавшись с остальными, греки всей силой навалятся на них, и тогда им не выстоять...

Хельги понимал: выбор у него небогатый. Если он отвергнет предложенные условия, то выбрать сможет лишь между

двумя видами смерти: от холодной стали или от жаркого огня. Но пока хоть какой-то выбор у человека есть, он свободен.

Он молчал, краем уха ловя обрывки бурного обсуждения, а сам думая о своем. Потом кинул взгляд на Тови: тот пронзительно свистнул, и гул в триклинии унялся. Все стихли и посмотрели на своего конунга.

— Что, братья мои и дружина? — проговорил он. — Какой выбор мы делаем: жизнь или честь?

Все молчали, и он продолжал:

— Оставаясь здесь, мы скоро дождемся греческих воевод с большим войском. Уйдя в море — пойдем через огнеметы. Греки предлагают нам сохранить жизнь, если мы оставим добычу. Хотите выкупить жизнь такой ценой?

Раздался возмущенный ропот. Его люди уже привыкли к красивым одеждам, изобилию вина и доступным женщинам. Возвращение домой наполовину утрачивало цену в их глазах, если придется вернуться без всего этого и вновь стать как все — ходить в домотканых портах и хлебать овсяный кисель из самолепного глиняного горшка. И, сидя на дубовой лавке среди бревенчатых стен, повествовать о мраморных палатах, серебряных чашах и цветных паволоках, которых было столько, что все не увезти! Да кто поверит?

— Засмеют нас бабы! — высказался Селимир, и дружина поддержала его согласным гулом. — Скажут, брешете вы, паволок и в руках не держали, а под кустом просидели все лето.

— Да я свои старые портки еще на Боспоре бросил — только эти и есть! — Дивьян хлопнул себя по бедру, обтянутому желтым шелком, уже изрядно замаранным. — Голым я, что ли, поеду?

— Они того и хотят! — загомонили вокруг сквозь смех. — Чтобы мы голыми ушли!

— Такими же рохлями вернемся, как уехали!

— Чего было ездить! Сидели бы дома, с девками на Купалье круги водили бы!

— Зачем кровь проливали?

— Людей зря теряли!

— Не отдадим добычу!

Лишиться добычи означало отказаться и от всей завоеванной славы. Бояре и оруженники обступали возвышение, на котором сидел «царь Никомедийский», все более тесным кругом. Загорелые, обожженные солнцем лица пылали негодованием и решимостью.

Однако сверху Хельги было видно, что у толпящихся в задних рядах на лицах скорее растерянность: они не были уверены в своем выборе.

И, тем не менее, он будет один на всех.

— Коли воеводы царские идут, то сидеть здесь больше нечего, — заговорил Хранимир, старший из двух ладожских бояр. — Раздавят нас, как орех. Да и то пора — едва до Киева к перевозимью успеем добраться, а мы с Ведошей до дому и к Коляде едва добредем. Так и так нам уходить.

— Но ты хочешь сказать — с добычей уходить? — подбодрил его Хельги.

— А то как же? Меня зачем отправляли — за добычей и за докончанием. Моя доля, Хаконова доля, мужей ладожских доля. А я что привезу? Вот это мне позора кусок, это воеводе, а это вам, старичье?

— Теперь или одно, или другое, — Хельги развел руками. — Ты сам слышал: грек сказал, первое их условие — договор, третье — отдать добычу. Не отдаем добычу — не будет договора.

— Докончание будет! — сквозь общий шум возразил Невзгляд. — Зря мы, что ли, тут все лето воевали? А те другие — князь, Свенельдич? Свенельдича только в Гераклее разбили, грек сам сказал — оттуда конного пути дней пять! Далеко же он забрался! Полцарства разорили! Нам теперь только бы живыми уйти, чтобы греки знали: что не так, мы опять придем!

— Да уйдем ли живыми? — осмелев, загомонили в задних рядах. — И нас погубят, как князя и Свенельдича погубили! Теперь уж греки на нас одних всей силой навалятся!

— Хельги, ничего не выйдет! — К нему ближе пробился Ведомил, второй из ладожан. — Если сдадим добычу — то и dokonчания не будет. Потому что приезжать в Киев с пустыми руками... — он скривился и покачал головой, — пустое дело. Пусть даже ты остался один... из всех тех, кто поближе к Олегову наследству... для этого надо быть лучше остальных. И тех, кто погиб. Если князь погиб — он голову сложил в сражении, чести не утратил, славу заслужил. А мы приедем ни с чем!

— А послушай меня, конунг! — вскинул руку Ульва, один из двоих бывших при Хельги хёвдингов-наемников. — Ты говоришь, мы не можем уйти обратно в Босфор. А почему туда? Мир не так уж тесен, послушай меня, я знаю! Я тут поговорил с людьми, — он кивнул на Николая, — мы ведь легко можем двинуться отсюда не на север, а на юг. Там хватит простора для отважных людей. Мы можем брать добычу, где захотим, сможем наняться на службу к сарацинам — у нас довольно сил, чтобы заставить кого угодно нас уважать! По южному морю можно дойти до Италии, потом до Испании. Оттуда есть морской путь к Стране Франков. А уж оттуда два гребка до нашей с тобой родины — Ютландии.

— Вот удивятся в Хейдабьуре, если увидят, с чем мы вернулись! — засмеялся Раннульв, один из пяти хирдманов, кто приехал с Хельги из Дании.

— Да всего через каких-то два года! — подхватил Ольвид.

— Через три, — поправил Хельги. — Накинь еще годик на такую дорогу.

— Здесь тепло — на зимовку не обязательно уходить с кораблей.

Наемники обсуждали новый замысел, но лица славян были хмуры. Бесконечная война в южных морях, где правят сарацины, их не привлекала. Им нравилась роскошь Греческого царства, многим пришлось по сердцу и жизнь на удачной войне — воля и всякое изобилие. Но каждый в душе предвкушал тот день, когда вернется домой, выло-

жит перед близкими такие подарки, что все ахнут и даже деды с уважительным удивлением покачают седыми головами. И потом можно до самой смерти рассказать о походе и виденных чудесах, и эти рассказы еще не одно поколение будут передаваться как сказания, обрастая все более чудесными подробностями, и обеспечат роду прочную славу в веках.

Очень мало кто готов был удовлетвориться славой и богатством только для себя, о чем никогда и не узнает оставшийся где-нибудь на Днепре или на Волхове род.

— Греки думают, — начал Хельги, и люди снова стихли, — что если они погубили русского князя и разбили войско его побратима, то больше никто им сопротивляться не сможет. Они не учли одного. Ингвар не был потомком Олега Вещего — того, кому греки дали откуп от осады Царьграда и кому потом тридцать лет платили дань. Ему и его родному внуку платили, Олегу-младшему. В Ингваре сыне Ульва не было крови победителя Царьграда, и это оказалось важно! — Хельги усмехнулся, и отроки ответили ему тревожными смешками. — И уж тем более ее не было в Мистине Свенельдиче. Но она есть во мне! — Хельги подался вперед, обеими руками опираясь о подлокотники, будто открывая своим людям важную тайну. — Я — родной племянник Олега Вещего, я ношу его имя! И боги не случайно так распорядились. Пусть моя мать не знала, что за человек тот, в честь кого она дала мне это имя, — но боги знали! Судьба знала, что поведет меня той же дорогой, что его. А значит, его удача досталась мне. Олег-младший показал, что не получил ее. И Ингвар не получил. К нам же с вами боги были благосклонны с самого начала — тысяча людей погибла в один день. Остальные, может быть, десять, пятнадцать тысяч погибли за это лето. И лишь у нас с вами потери небольшие — чуть больше ста человек за все время. Скажите мне, русы, разве это не знак? Разве боги не говорят нам ясным голосом, что имен-

но нам суждено победить и вырвать у греков право получать Олегову дань?

— А правда! — первым крикнул здоровяк Селимир — человек простоватый, но смелый и преданный.

— Верно! — закричали со всех сторон.

— Истинно!

— Наш конунг других счастливее!

— У нас удача Олегова!

— И мы не опозорим ее, сдавшись еще до битвы? — Хельги быстро встал и теперь возвышался над триклином, как изваяние.

— Нет! Нет! Будем прорываться!

— Мы уйдем отсюда со всей добычей, вернемся в Киев, и там я буду сражаться за стол моего дяди — Олега Вещего. Вы поддержите меня?

Буря криков была ему ответом. Нельзя было разобрать ни слова, но также нельзя было и сомневаться в готовности двух тысяч русов и славян поддержать своего конунга хоть здесь, хоть в Киеве, хоть в Йотунхейме.

— Бояре, подумайте пока, как нам быть, — сказал Хельги, завершая совет. — Завтра еще поговорим, но начинайте собираться. Больше пары дней нам здесь задерживаться нечего. И на вино больше не налегайте, братья, нам теперь головы нужны ясные.

Когда все уже расходились, кто-то вдруг окликнул его:

— Конунг!

Обернувшись, Хельги увидел Ульву.

— Я пойду за тобой, куда ты велишь, — сказал тот, улыбаясь. — Но ты все же подумай еще о том, чтобы пойти отсюда в сарацинские моря. На свете земли много. Мы и там мы завоюем для тебя королевство!

И вот дворец утих, но Хельги не спалось. Ему не так трудно было убедить своих людей: часть из них за последние пару лет, а остальные — за эти три месяца твердо поверили в его удачу. Свою отвагу, щедрость и справедливость он по-

казывал и сам. Он был тем самым вождем, в каком они нуждались. Ему бы уже простили провалы и ошибки. Люди верили, что благодаря своей удаче он вытащит их невредимыми из-под огнеметов, приведет домой, наделит богатством и долгой славой.

Сам Хельги тоже в это верил. Но к тому же знал: до северного устья Босфора доберутся не все. И тех, кому суждено погибнуть — может быть, тысячу человек, а может, и больше, — он вынудил к этому, потому что должен вернуться в Киев победителем. Пусть с подпаленным хвостом — целостностью перьев и его соперники похвалиться не могли, — но не сдавшимся. Чтобы на самом деле бороться за дядин стол с прочей родней Ингвара, он должен привезти в Киев хоть какую-то добычу как доказательство своей отваги и удачи. Даже если часть его людей должна будет отдать за это свою жизнь.

— Феоток Парфене¹, прекрати так вздыхать! — послышался из темноты возле его плеча недовольный голос Акилины.

— А она вздыхает? — Хельги огляделся, отыскивая часто поминаемую подругой «парфене».

— Ты вздыхаешь! — Акилина игриво пихнула его в бок. — Чего ты не спишь? Ведь все хорошо. Я не все поняла, но ты ведь добился, чего хотел?

— Да. Я добился согласия войска идти на прорыв. Но это значит, что часть моих людей погибнет ужасной смертью. Половина. Или больше.

— Но так бывает всегда! — Акилина села на широкой лежанке. — Когда василевс посылает войска в бой, он знает, что часть из них погибнет. Может, половина. Или все. Чтобы василевс одержал победу или хотя бы мог за нее побороться. Василевса избирает Бог, а значит, кто гибнет по приказу василевса — гибнет по воле Божьей. О чем ты вздыхаешь? Куда хуже будет, если погибнешь ты сам.

¹ Богородица Дева (*греч.*).

— Это как раз не страшно, — Хельги закинул руки за голову. — Если я погибну, то открою глаза во дворце у Одина и смогу смело взглянуть в лицо своему дяде. Самое худшее — это если я не сумею ни победить, ни умереть.

— Знаешь что? — Акилина немного подумала. — Как бы ни вышло, не делай одного: не уходи в монастырь. Главное, по дороге не потеряй меня.

— Буду держать тебя левой рукой.

— А правой? — с деланной ревностью надулась Акилина. — Не говори, что Танасию. О ней позаботится ее любимый толстяк.

— В правой я буду держать меч, разумеется.

— Может, уйти к сарацинам был не самый плохой замысел. Если придет крайняя нужда, ты сможешь продать им меня! — засмеялась Акилина и прильнула к нему. — Веса в серебре за меня уже не дадут, но на снаряжение хватит.

— Да тебе вовсе не нужно идти с нами в Боспор. Я дам вам денег — тебе и другим девушкам. Сейчас половина побережий разорено, все сорвались с места. Уедете подальше, скажете, что ваших мужей убили скифы, купите себе дома и хозяйство... Еще мужей найдете. Уж такие-то красавицы...

— Что? — Акилина аж подпрыгнула на перине, сообразив, о чем он говорит. — Уехать? Хозяйство? Мужей? Йотуна мать! Да как ты смеешь, бесовестный скиф! — Она выхватила подушку и с размаху заехала бы Хельги по голове, если бы он по привычке не выставил руку. — Язычник неблагодарный, пес тебе в тридевятое царство! Троль тебе в Хель! Я отдала тебе всю себя, готова продаться сарацинам, а ты пытаешься меня отослать! Выкинуть, будто оливковую косточку!

— Да уймись ты! — Хельги пытался отнять у нее подушку, но она вцепилась, как кошка, и не выпускала. — Я хочу, чтобы вы остались живы и невредимы! И зажили счастливо, на свободе и в богатстве! Разве это не благодарность?

— Благодарность — это верность! Я буду верна тебе и пойду для тебя на все! Даже на огнеметы! И ты даже не смей пытаться от меня избавиться!

Наконец Хельги отнял подушку, и Акилина отпрянула.

— Я с тобой с ума сойду! — Он хлопнул по подушке ладонью. — Я боюсь, что у меня погибнет полдружины — ради того, чтобы я мог побороться за стол моего дяди. Если бы я этого не хотел, мы бы могли договориться с греками и уйти живыми. Все, сколько есть. Но за мой стол в Киеве уже здесь половина этих людей заплатит жизнью! Это сводит меня с ума, а тут еще ты хочешь умереть со всеми заодно!

— Могу тебя утешить — не думай, что у тебя была хоть какая-то, — Акилина для наглядности свела кончики пальцев, будто сжимая в них маковое зернышко, и, подавшись вперед, поднесла их к лицу Хельги, чтобы он мог разглядеть в лунном свете, — надежда спастись! По мне, так я готова поклясться головой Марии Магдалины — василевсы собираются тебя обмануть.

— Но они ведь обещали заложников! — несколько рассеянно отозвался Хельги, поскольку в лунные лучи попала не только рука Акилины, но и все прочее, чем ее щедро одарили боги. — До тех пор пока мы не выйдем из Босфора с северной стороны!

— Заложников! Да, они дадут заложников! Кого-то, от кого давно хотят избавиться. Я уже слышала о таких случаях. Они уже так делали. Стефан и Константин... Года два назад эти стервецы однажды затеяли переговоры с сарацинами, дали им двоих заложников, а потом все сорвали — того и желая, чтобы тех двоих убили или отдали в рабство. Не знаю, что с ними стало, больше об этом не говорилось.

— И они рассказывали о таком тебе? — с трудом верил Хельги, помня, где Акилина в прошлом встречала сыновей Романа.

— Они рассказывали об этом при мне! А я что такое? Разве я человек, разве у меня есть уши и разум? Нет, у меня для них есть только... — Акилина назвала то, до чего молодые

василевсы были так охочи. — Но чего им было опасаться? Вздумай я болтать, кто бы стал меня слушать? И разве трудно им было бы заставить меня замолчать навсегда — я ведь была в монастыре, как в клетке!

Ужасно выносить глупца суждения
До крайности ужасно, коль в почете он;
Но если он — юнец из дома царского,
Вот это уж доподлинно «увы и ах»¹.

— прочла она, видя, что Хельги недоверчиво качает головой.

— Это был Гомер? — насмешливо спросил он; его попытка угадать поэта стала для них привычной игрой.

— Это была Кассия! Женщина, которую, подобно мне, сделало несчастной то, что она была слишком уж умна! Слишком уж умна для василевса — он не женился на ней, потому что она слишком уж находчиво отвечала на его тупые шутки. И вся ее красота не помогла. И тогда она стала монахиней. Правда, добровольно. А эти «юнцы» из дома царского и правда глупы — ты сам слышал, они даже не потребовали нас вернуть. Они даже не вспомнили, что обсуждали при нас с Танасией тех сарацинских заложников, как их там, о господи... Мирон и Моисей, кажется. Они давно забыли, что мы знаем эту уловку и можем расстроить им все дело.

— Ну, если так... То ты меня утешила. Иным людям трудно выбирать между жизнью и честью, но между смертью в славе и в беславии выбрать легко.

¹ Кассия — византийская поэтесса IX века. Однажды участвовала в «конкурсе невест» для молодого императора, остроумно отвечала на его вопросы, однако была отвергнута и позже поступила в монастырь. (Памятники византийской литературы IV — IX веков, Москва, Наука, 1968, ответственный редактор Л. А. Фрейберг).

— Так ведь я для того и здесь, чтобы утешать тебя! — Акилина скользнула ближе, прильнула к нему и обвила шею руками. — Давай же утешаться, пока нам не пришлось вместе улечься на дно морское!

* * *

Тем не менее перед уходом из Никомедии Хельги предложил монастырским беглянкам денег, и многие их приняли. Хотела уйти и Танасия: перебравшись подальше от столицы, где ее не знают, она легко могла бы заняться прежним цветочным ремеслом — заодно с любовным промыслом, что его обычно сопровождает. Селимир уговорил ее остаться, поклявшись, что возьмет в жены, если они доберутся домой. Жена у него, разумеется, была, но та увядшая женщина, растерявшая половину зубов, совершенно изгладилась из памяти за два года походной жизни, а восемнадцатилетняя гречанка, с пышными темными волосами и огненными глазами, гибкая, как березовая веточка, могла лишить рассудка человека и покрепче.

Просторная гавань на Никомедийском заливе, где русы ждали подходящей погоды, была окружена селениями. По селениям этим люди Хельги прошли еще по пути к Никомедии, и жители по большей части оттуда разбежались. А те, что вернулись, бежали вновь при виде уже знакомых скифских судов. Местность опустела; не удовлетворившись этим, Хельги разослал дозорные десятки во все стороны от моря и велел занять все возвышенности, откуда была видна гавань. Если греки на хеландиях в Босфоре будут заранее знать о приближении русов, надежды на благополучный прорыв почти не останется, поэтому скрытность выдвижения была не менее важна для успеха, чем погода.

Дозорные десятки привозили пленных. Хельги приказал искать молодых парней и девок. Теперь он хорошо знал цену благосклонности подводного владыки Греческого моря и не собирался повторять ошибку Ингвара.

— Зачем тебе эти люди? — удивилась Акилина, в первый раз увидев, как отроки Перезвана возвращаются в стан с двумя связанными парнями. — Зачем тебе пленные, когда столько хороших вещей пришлось бросить в Никомедии, потому что не хватает места для всей добычи? Один такой мальчишка стоит как хороший кусок шелка, а весит больше и места занимает больше! Лучше бы взял еще шелков!

— Не думаю, что морскому царю требуются шелка, — усмехнулся Хельги. — Ты когда-нибудь пробовала плавать закутанной в мокрый шелк?

— Плавать? Йотуна мать, ты смеешься надо мной!

— Пленные нужны мне для подношения морскому царю. Мой родич Ингвар не почтил его жертвой по пути сюда, и морской царь послал ему неудачу. Помог с погодой грекам и подставил Ингваровых людей под огнеметы. И может быть, в конце концов Ингвар сам стал жертвой! Я такой глупости не сделаю. Морской царь получит от меня по трое, по семеро, по девятеро парней и девок, если сумеем столько набрать, но не сможет сказать, что я не почтил его и не заслужил благосклонности. Я не поскуплюсь ради удачи моего войска. И если он только даст мне знать, что хочет получить — он это получит, — продолжал Хельги, обернувшись к морю, и по тону его было слышно: обращается он не к Акилине. — Любую долю моей добычи.

Акилина недоуменно нахмурилась, потом охнула и закрыла рот рукой:

— Ты хочешь... убить этих людей ради ваших бо... языческих демонов?

— Таков наш обычай.

— Так делали во времена Гомера и Солона...

— А это давненько уже было, да? Надо думать, ваши древние боги слишком проголодались и озлобились, если уже несколько веков вы приносите жертвы только Христу.

— Христиане не приносят жертв бесам! Но... конунг... нет, я не верю... это слишком ужасно! — Акилина смотрела на него широко раскрытыми голубыми глазами, в которых

чуть ли не впервые за все это время хищный вызов сменился потрясением и страхом. — Это же... служение дьяволу. Ты не можешь... убить христиан, чтобы потешить бесов... Я, может, и не самая добродетельная женщина в Романии, но я знаю, где Бог, а где дьявол.

— Тебя я ни к чему такому не принуждаю, — Хельги вернулся к ней и погладил ее по щеке. — Тебе еще не поздно нас покинуть, чтобы не поссориться с вашим Богом.

— Покинуть? — Акилина нахмурилась и отбила его руку. — Ты опять?

— Я желаю тебе добра. Оставаясь со мной, ты можешь погубить и жизнь твою, и душу, раз уж ваш бог воспринимает приносить жертвы другим богам.

— Господу не нужны такие жертвы!

— А нашим богам нужны. И я предпочту отдать морскому царю два десятка греков, чем две тысячи своих. Но ты еще можешь уйти. Еще не поздно, есть время... пока не подует нужный ветер.

С этими словами Хельги отошел к ждавшему его Перезвану.

— Где вы этих двоих взяли? — Он окинул взглядом двоих парней, со связанными руками сидевших под оливой.

Вид у одного был решительный и сердитый, а у другого — испуганный и растерянный. У сердитого на скуле краснел свежий кровоподтек.

— Сами нам в руки попали, — усмехнулся Перезван — молодой, лет двадцати, боярский сын, младший у отца, отосланный в поход, поскольку дома с ним не было сладу. — К стану овечьей тропкой пробирались.

— Разведчики?

— Похоже на то. Я на месте задал пару вопросов — молчат. Гудмар подойдет — у него заговорят. Я за ним послал.

— Да ладно! — Хельги махнул рукой. — Что они скажут? Я уже ничего не хочу знать о греках, — усмехнулся он, — а хочу лишь, чтобы они ничего не узнали обо мне.

Сохраняя уверенно-небрежный вид, на самом деле Хельги беспокоился с каждым днем все сильнее. Его дозоры окружали приморскую долину, где стояли русы, на случай подхода патрикия Иоанна и его сорокатысячного войска, обещанного Ермием. Но дожидаться его Хельги не собирался. Принимать бой в таких условиях — при такой разнице в численности, не имея даже городских стен для защиты, — было бы безумием. И кто знает, где сейчас этот йотунов Иоанн?

На третий день Хельги счел, что подношений для морского царя набралось достаточно.

— Ты и меня бы отдал, да, если бы морской бес захотел? — кричала ему сегодня утром Акилина, убедившись, что отговорить его от задуманного не выходит.

Он промолчал. Да, отдал бы, если бы какой-то знак на нее указал. И ее, самую лучшую часть своей греческой добычи.

Потому что в походе нет ничего важнее и дороже дружины. Ради всех этих людей — шведского наемника Стейнтора, ильменского боярина Селимира, отроков Ночки и Кочки — Хельги отдал бы и синие греческие чулки с узором из цветочков и крестиков, и свой новый шлем. Причем без малейшего сожаления. Чтобы сохранить дружину, можно отдать золото, шелка и пленниц, потому что дружина добудет все это вновь, а без дружины вождь не сохранит ни собственную жизнь, ни свободу.

Но, кроме жизни, нужно сохранить честь. Без чести дружине не будет удачи, а тогда она — ничто. Русы в Никомедии выбрали честь, и теперь он любой ценой должен был выкупить их жизнь.

— Я уйду от тебя! — кричала Акилина в ответ на молчание Хельги. — Это уже превыше всякого терпения! Я не могу в этом участвовать! Пусть меня опять схватят и засунут в монастырь... Нет, на этот раз меня просто удавят! Но Господь помилует меня, он увидит, я все же не такая дурная женщина, чтобы жить с человеком, приносящим жертвы бесам!

Хельги велел позвать Раннульва и выдать Акилине две сотни номисм из Стахиевой казны. Больше ей было бы трудно носить скрытно — да и страшно расхаживать молодой женщине, имея при себе сокровище, на которое можно скромно прожить лет сорок или обзавестись своим хозяйством.

— Будь счастлива! — пожелал Хельги на прощание, подойдя к ней, стоявшей среди груды разноцветного платья. Акилина бешено и бесцельно рылась в нем, осознав, что унести сможет только то, что на ней надето, но надевать самое дорогое будет смертельно опасной глупостью. — Желаю тебе найти хорошего мужа и жить так, чтобы и василевс, и бог не держали на тебя зла.

— Ненавижу тебя! — со злыми слезами на глазах Акилина оттолкнула его руки от себя. — Лучше бы я осталась у Марии Магдалины!

— Знаешь, я бы на твоём месте пока зарыл это золото в роще, — посоветовал Хельги. — Иначе его могут при тебе найти, когда мы уйдем и сюда вернутся греки. Прикинешься пленницей, про которую мы забыли. С пустыми руками тебе легче будет уйти, а за деньгами вернешься позже, когда все поуспокоится. Дать тебе отрока с лопатой?

Велев Тови помочь ей, если она надумает, Хельги ушел к причалам. Там уже ждала лодья с хирдманами и девушками.

Девять греческих пленниц усадили в лодью и вывезли на середину бухты. Лодья отходила под стон и непрерывный плач: не понимая языка славян и русов, гречанки догадывались, что их увозят не в плен, что вместе с берегом от них с каждым гребком весел удаляется сама жизнь. Хельги стоял на корме, глядя на эти головы — темноволосые, рыжеватозолотистые, — скученные над скамьями, где девушек усадили в тесноте, связанных по рукам и ногам. На каждой было цветное шелковое платье, ожерелья из самоцветных камней, серебряные и даже золотые браслеты и серьги. Каждую папушку нарядили из добычи, будто какую-нибудь протоспариссу свиты самой царицы Елены. Эта роскошь совсем не

вязалась с испуганными, заплаканными лицами, с растрепанными головами. Но морской царь увидит: Хельги не пожалел для него самого лучшего. Никто из дружины к этим девам даже не притронулся.

Придерживаясь за штевень, Хельги обернулся лицом к морю.

— Царь морской, повелитель этих вод! — позвал он на родном языке, не сомневаясь, что божество поймет его без толмача. — Мы, славяне, даны и русы, пришли сюда издалека. Наши боги послали нам удачи, но теперь от тебя одного зависит, чтобы мы могли сохранить добычу, честь и жизнь. Я отдаю тебе твою долю добычи — возьми и пошли нам удачу в проливе. Добравшись благополучно до Греческого моря, я дам тебе еще столько же даров.

Он сделал знак хирдманам. Двое отроков взяли под руки ближайшую девушку с крайней скамьи, подняли на борт и сбросили в воду. Спиной к воде она полетела в волны; шум ветра поглотил последний хриплый крик; вздыбившиеся рыжевато-золотистые волосы на миг придали ей сходство с факелом, чье пламя треплет ветер. Связанная, она ушла под воду мгновенно; мелькнуло под бирюзовой волной красное платье, будто огромный самоцвет, и кануло в глубину.

А лодья быстро шла, и вот уже место падения улетело назад — даже не понять, где это было. Остальные девушки, видя, что их худшие ожидания сбываются, разом зашевелились; теснясь на скамьях, пытались отползти от хирдманов подальше, чтобы выиграть еще пару вдохов. Поднялся крик; лишь две-три продолжали сидеть неподвижно, опустив голову, зажмурив глаза и твердя молитву. Так, с молитвой на устах, они летели в воду; возможно, в награду за стойкость ангелы подхватывали их души на лету и возносили ввысь, прочь от волн. Как цветы, девы в красных, желтых, зеленых платьях падали с борта одна за другой, пока в лодье не остались только мужчины.

Иные смотрели в волны с сожалением. Но у большинства была на лицах такая же решимость, как у самого Хельги. Что

им эти греческие девушки — выбравшись за пролив благополучно, они за спасенную добычу купят себе по три таких же. За несколько лет походной жизни эти люди стали такими, что оставшиеся дома сородичи испугались бы, взглянув им в глаза. Эти спокойные и пристальные, жесткие и острые глаза говорили: перед тобой волчья стая. Каждый день они проживали как последний и оттого были веселы; веселость их создавала впечатление дружелюбия, но совершенно обманчивое.

Вернувшись, отправились к холмам над бухтой. Там росли, разбросанные по вершинам, несколько дубов. К ним доставили девять греческих парней. Хирдманы перекинули веревки с петлями через толстые ветки на нужной высоте. Хельги подали копье: он заказал себе его после удачного похода на Самкрай, имея достаточно серебра и золота, чтобы богато украсить втулку и клинок. Такие копья применяют не столько в бою, сколько в качестве колдовского жезла при обращении к богам войны.

Опираясь на копье, Хельги окинул взглядом окрестности. С вершины было видно довольно далеко: несжатые поля сбегавших земледельцев, гранатовые и оливковые рощи, виноградники с желто-багряной листвой, где прятались зеленоватые и красноватые грозди созревающего винограда. Соломенные и тростниковые крыши глинобитных домишек — пустых. Если хозяева при виде русского войска не убежали сами, Хельги велел их разогнать: ему были совсем не нужны поблизости чужие глаза. Сейчас в этих домишках сидели его дозорные, поджидая лазутчиков. Уж конечно, греческие стратеги очень хотели знать положение дел в его войске: шестеро из девяти будущих слуг Одина были перехваченными лазутчиками.

И самую главную тайну составлял час отплытия.

Хельги повернулся к дубу. Не такие дубы он видел на Руси — там они были огромные, раскидистые, и мощные стволы их уходили вверх так далеко, что легко верилось: по ним, как в сказаниях, можно подняться до самого неба и уви-

деть жилища богов. Дубы Греческого царства были скромнее, но и в них струился ручеек божественной силы.

— Великий Один! — Хельги поднял руки, держа в одной копье. — Знаю, что забрался далеко от тех земель, где тебя почитают, но верю: ты меня услышишь. Помнишь, какие жертвы я принес тебе, когда покидал Хейдабьюр? Ты обещал хранить меня в пути через все земли, до каких сможешь дотянуться. А я обещал тебе, что не предаю доблесть моих предков и тем принесу тебя, твой дух и твой взор, во все те земли, куда сумею добраться. Видишь, где я теперь? И ты здесь, со мной. А чтобы усилить нашу связь, я приготовил тебе дар. Девять греческих отроков сегодня пополнят число твоих рабов. Прими их и дай мне удачи в том, что мне предстоит.

Хирдманы подняли первого из отроков, подтащили к дубу и накинули петлю на шею. Хельги подошел, крепче сжимая копье. Таким делом ему заниматься еще не приходилось — он лишь однажды видел, как ютландский конунг Кнут, его давний вождь, приносил жертву ради победы в войне с саксами. Сам Хельги тогда был еще подростком, но хорошо запомнил разговоры в доме и в городе: не принесет, дескать эта жертва удачи Кнуту, он ведь крещен. . .

Трое хирдманов разом потянули за веревку — тело грека взмыло в воздух и бешено задергалось.

— Теперь я дарю тебя Одину! — выкрикнул Хельги положенные слова и, стиснув зубы, ударил снизу вверх копьем ему в грудь.

От волнения промазал — лишь толкнул наконечником в бок. К счастью, Агнер догадался вцепиться в ноги жертвы и тем заставить тело замереть, и тогда Хельги вонзил острие греку под ребра. Потом выдернул копье: Агнер отскочил, но часть крови из раны все же на него попала. Грек был мертв: копье пронзило сердце и вмиг прекратило мучения. Тело раскачивалось, но не шевелилось.

Хельги перевел дух: его колотило, будто он сам был вздернут, но упал, тем самым вернувшись на твердую землю. В об-

ращении с копьем он опыта имел предостаточно, но перед таким делом слишком волновался, и это мешало. К тому же он не привык бить в цель выше себя; когда он наносил тот первый удар, его охватило жуткое чувство, будто он метит в нечто принадлежащее миру богов. Чуть ли не в самого Одина в миг его жертвоприношения самому себе.

Или оно так и должно быть? От рождения Хельги не считался человеком достаточно знатного рода, чтобы его учили таким вещам. Судьба заставила постигать самому. Или он сейчас научится, или погубит себя и дружину.

Первый раз сошел не очень хорошо. Боги не любят, когда жертва мучается, она должна умереть легко. Плохо принесенная жертва скорее отнимет удачу.

– Я теперь благословлен Одним! — Агнер показал стоящим вокруг пятна жертвенной крови на одежде.

Вопреки напыщенно-горделивому виду, голос его заметно дрожал. Он тоже впервые в жизни участвовал в принесении такой значимой жертвы.

Когда к дубу подвели следующего, по кивку Хельги уже Ингольв стоял наготове, чтобы схватить ноги повешенного сразу, как только тот окажется в воздухе. На этом дереве поместились лишь трое — это не священные дубы Свеаланда или Ютландии, что веками принимают жертвы и порой бываюут увешаны трупами людей и животных, будто желудями. На другом холме еще шестерых повесили на двух деревьях. Свободные концы веревок закрепили на стволах, и жуткие «желуди» теперь качались на ветру, знаменуя решимость пришельцев ничего не пожалеть ради прорыва на север.

Но вот все было кончено. Оруженосец отчистил золоченое копьё от крови, и Хельги попытался расслабиться. Но ощущал себя странно — не чувствовал земли под ногами, а лишь движение воздуха вокруг, будто сам был одним из девятерых повешенных.

Или ими всеми.

Или самим Одним. «Знаю: висел я в ветвях на ветру девять долгих ночей, пронзенный копьем. Посвященный Оди-

ну, в жертву себе же на дереве том...»¹ — звучало в мыслях, и Хельги не гнал от себя речи Высокого. Для единения с ним и затеваются эти кровавые обряды. Когда получается — это тяжело перенести. Но удача не дается богами даром. Чтобы получить часть божественной силы, нужно слиться с божеством.

Вернувшись в свой шатер — богатый, большой, целый дом из белого полотна, — Хельги не сразу заметил, что он там не один. И лишь когда он сел на кошму, устало свесив мокрые после умывания руки, легкое движение в углу привлекло его внимание.

На ковре, привалившись спиной к ларю, сидела женщина. В первый миг Хельги не узнал ее — так далеки были его мысли от земли. Показалось, это валькирия, присланная Одином, чтобы указать ему путь. А уж за пролив или в Валгаллу — как решит сам Высокий.

— О Господи, что с тобой! — плачущим знакомым голосом воскликнула женщина.

Словно вдруг прояснилось в глазах, и Хельги узнал Акилину. Она так и сидела здесь, в сером шерстяном платье и простом белом гиматии², которые раздобыла, собираясь бежать.

— Посмотри на себя! — Она вскочила; при этом с колен ее упала, тяжело звякнув, кожаная сумка. — Ты весь в крови! Сам похож на беса! Ты что — не только убил этих несчастных, но и съел их сердца?

Хельги послушно посмотрел на себя — его одежда и правда была вся в кровавых пятнах. Но с чего она взяла, будто он что-то там ел?

Он стянул испорченную рубаху и бросил на пол.

— Почему ты еще здесь? Ждешь темноты? — Хельги посмотрел на сумку. — И золото не закопала?

¹ Речи Высокого, Старшая Эдда.

² Гиматий — в византийской моде наследие античных времен, теплый плащ, использовался разными слоями населения.

— Да будь проклято твое золото! — Акилина в раздражении ударила сумку ногой. — Оно не поможет мне спасти душу, если..

Хельги молча смотрел на нее, слишком усталый, чтобы разговаривать.

— Нет толку мне уходить, если душа моя все равно остается рядом с тобой! — выпалила Акилина, потом ушла в самый дальний угол и села там, отвернувшись от Хельги.

Там она и просидела до самых сумерек, пока в шатер не заглянул Ольвид.

— Конунг! — окликнул он Хельги. — Там.. ветер крепчает. На север.

Акилина вздрогнула и вскинула голову. Хельги встал.

— Значит, пора.

И вслед за Ольвидом вышел из шатра, не оглянувшись на оставляемое имущество. Акилина вскочила, подхватывая одной рукой гиматий, а другой — сумку со своим «приданым», и поспешила за ним.

* * *

Не только Хельги без сожаления бросил свой шатер. Все шатры были оставлены на местах, между ними горели костры. Сложили их хитро, как при ночевках в северных лесах — чтобы долго тлели, не требуя добавки топлива. Хельги не сомневался, что стратигов не расхолодили неудачные попытки подобраться ближе к стану и за долиной наблюдают и сейчас. Но исчезновения его дозоров заметят не сразу, а потом настанет ночь, когда во тьме будут мерцать угли костров. Что шатры пусты, греки обнаружат лишь наутро. А русы к тому времени будут или в Греческом море — или в палатах морского царя.

Добычу распределили по всем лодьям.

— Если скутар загорится, хватайте что ближе лежит и в воду! — наставлял людей Хельги. — Делить будете у Одина, главное, успеть взять с собой все свое.